

Падшие люди

Нерассказанная история
Джека-потрошителя

КЛЭР УИТФИЛД

Клэр Уитфилд
Падшие люди
Серия «Коллекционеры зла.
Викторианский детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66113092

К. Уитфилд. Падшие люди: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва;

2021

ISBN 978-5-04-157447-5

Аннотация

Поспешное замужество – страсти до ужаса?

Лондон, 1888: Сюзанна выходит замуж за молодого и богатого хирурга. После страстного медового месяца она возвращается домой... и все меняется.

Поведение Томаса становится все более изменчивым и жестоким. Он пропадает ночами, возвращается весь в крови и отказывается отвечать на вопросы.

Когда в газетах появляется новость об убийстве в Уайтчепеле, Сюзанна начинает подозревать своего мужа. И каждый раз, когда он не приходит домой ночью, находят новую жертву...

Это совпадение? Или ее муж тот, кого называют Джеком-потрошителем?

Содержание

И эта тоже в Лондон подалась	5
1	11
2	17
3	24
4	33
5	48
6	72
7	83
8	98
9	112
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Клэр Уитфилд

Падшие люди

Clare Whitfield

People of Abandoned Character

© Clare Whitfield, 2020

© Новоселецкая И., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Моим родным и близким

«Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе».

Библия короля Якова. Послание Иакова, гл. 2, стих 17

И эта тоже в Лондон подалась

Рединг, 1885 г.

В день похорон погода установилась не самая приятная: сильный ветер, тусклое солнце, вот-вот пойдет дождь. Не знаешь, как и одеться. Не угадаешь. Солнце вышло, и ты преешь в своем многослойном наряде – пальто, строгий жакет, цилиндр, – а потом поднялся ветер, и пальцы посинели. В общем, как ни оденься, все плохо.

Мистер Радклифф отметил, что народу пришло немного. Как поверенный почившей, сам он обязан был присутствовать на погребении, но жена приходского священника, по ее словам, была вынуждена чуть ли не силком сгонять прихожан на похороны, чтобы те отдали умершей последний долг. Церковь Св. Варфоломея занимала старое разрушающееся здание, пережиток минувших эпох, где скамеек было мало, и потому они не казались пустующими. Миссис Альма Чапмэн завещала, чтобы ее похоронили именно здесь, в «настоящей церкви», рядом с мужем. Действующая церковь – больше и лучше этой, для более совершенной и многолюдной Англии – ныне находилась в центральном городке.

Каждую горку земли, что могильщик пытался лопатой бросить на гроб усопшей миссис Чапмэн, шквальный ветер швырял в лица стоявших вокруг могилы людей, с нетерпением ожидавших завершения мучительных похорон. Словно

старая женщина решила напоследок посмеяться надо всеми, выражая свое отношение к тем, кто пришел проводить ее в последний путь. Место для собственного погребения она выбрала не самое благородное и изысканное – неподалеку находилась ферма, слышался рев осла, – и потому, как только ветер в очередной раз стал сметать с лопаты землю, собравшиеся наконец-то не выдержали и начали расходиться. Даже священник ретировался.

Остались только мистер Радклифф и внучка Чапмэнов – высокий столб в черном облачении. Лицо ее скрывала траурная вуаль, которую ветер прижимал к ее щекам. Руки, как и подобает, были сложены в скорбной набожности. На вид она казалась довольно юной особой, хотя, согласно документам, что у него хранились, она уже была далеко не девочка. С другой стороны, сам мистер Радклифф находился в таких летах, когда всех окружающих он воспринимал как молодежь. К тому же возраст эсеницин он никогда не умел определять. Они вечно молодились. Все эти их прически, перья, шляпки лишь сбивали с толку.

Сюзанну Чапмэн мистер Радклифф знал, как и большинство людей, по документам: по записям о жизни и смерти, по сведениям, содержащимся в исписанных чернилами бумагах. Бедняжка, думал он. Как жить дальше этой девочке-женщине, если у нее нет родственников мужеского пола, которые могли бы взять ее под свою опеку, нет значительного капитала за душой? Очевидно, придется ей отдаться

на милость тех, кто соизволит предложить ей свою защиту, рассудил мистер Радклифф. Мысленно он уже подготовил речь, которой собирался напутствовать ее после похорон. Несколько слов утешения, даже ободрения. Их было непросто подобрать: что человек его возраста мог бы сказать молодой женщине? В кои-то веки мистер Радклифф жалел, что не привел с собой жену.

Начнет он так: «Смерть для тех, кто остался, знаменует не конец, а новый старт. Мы должны проложить новую колею поверх топких глинистых троп и каменистого бездорожья...» Выражение «топкие глинистые тропы» ему особенно нравилось, но только он шагнул в сторону девушки, собираясь озвучить ей свой монолог, она подхватила юбки, подметавшие грязную землю, повернулась и зашагала прочь. Мистер Радклифф был вынужден почти бегом догонять ее, сознавая, что это он сейчас месит глину на топкой тропе.

– Мисс Чапмэн, постойте. Уделите мне минуту вашего внимания. – Он замахал шляпой и, тяжело отдуваясь, наконец-то поравнялся с ней. – Простите ради бога. Мне, право, неловко беспокоить вас так скоро после кончины вашей бабушки. Я только хочу донести до вас одну мысль, и суть ее в том, что для вас это новый старт...

– Да, мистер Радклифф, спасибо. Я понимаю. Простите, я спешу. У меня много дел. – И она отвернулась от него, будто огромный черный обелиск. Вуаль мешала разглядеть ее черты.

– Мисс Чапмэн, позвольте проводить вас. У меня есть новости, которые, возможно, подбодрят вас, даже внушат уверенность, – сказал он, отчаянно стараясь подстроиться под шаг молодой женщины, не отстать от нее.

Мистер Радклифф объяснил, что к нему обратилась супруга приходского священника. Она готова обеспечить мисс Чапмэн жильем и платить ей небольшое жалованье, если та согласится помогать по хозяйству и заниматься воспитанием ее шести дочерей. Теперь, когда дедушка и бабушка мисс Чапмэн умерли, самое лучшее для нее – сдать в аренду жильцам их дом и найти себе мужа, да поскорее.

– Будьте так любезны, поблагодарите от моего имени священника и его супругу, – отвечала молодая женщина. – К сожалению, я вынуждена отклонить столь щедрое предложение. Завтра первым же поездом я отправляюсь в Лондон.

И-да, крайне неожиданно.

– Зачем? – поинтересовался мистер Радклифф, страхась услышать в ответ банальнейшее из объяснений.

Вот чем, скажите, Лондон манит глупых женщин? Что может знать о Лондоне и его неуголимых аппетитах незамужняя девица двадцати семи лет из маленького городка? Сколько девушек на облаках своих грез уплыли в столицу, где они связались с дурными людьми и приобрели дурные привычки? Там вечно висит желтая хмарь, вонь от реки такая, что не продохнуть, нищие, словно вишивые коты, спят на грудах мусора прямо под открытым небом. Не раз бывало,

идя по улице, он слова не слышал на английском языке. И это в родной-то стране!

Нет, Лондон – не место для незамужней женщины. Эти юные девицы только и грезят что о шляпках и нарядных платьях. Думают, что они каждый день будут посещать скачки и рвать цветы в парке, что к ним выстроится очередь из влюбленных герцогов, мечтающих пасть перед ними на колени. Если б они знали, сколько там сломленных духом, голодных и бездомных людей, ни за что на свете не сели бы они в поезд, едущий в столицу.

– Мистер Радклифф, я стану сестрой милосердия, буду работать в Лондонской больнице, в Уайтчепеле. Я очень благодарна за столь великодушное предложение, но остаться не могу ни на минуту. Вы должны понимать, что с уходом их обоих здесь меня уже ничто не держит.

– Что ж, моя дорогая, будем надеяться, что ваши старания не пропадут даром. Позвольте пожелать вам удачи. Я действовал из добрых побуждений, но, вижу, вы и сама стратег, даже первопроходец!

Она попрощалась и ушла, оставив его барахтаться в грязи. Он сомневался, что она покорит столицу. Большой город немилостив. В маленьком городке человек мог бы упорным трудом заработать немного денег и, оставаясь честным, почитая Бога, подняться на пару ступенек в обществе. И считал бы, что он преуспел в жизни. Лондон – не место для восхождения в верхи, невзирая на все его посулы. О, золото

там, конечно, есть, кто бы спорил: за один день можно выиграть и потерять или украсть состояние. Но в Лондоне процветают только богатые, злодеи или маньяки.

1888 г.

Мы сочетались браком в уайтчепелской церкви Св. Иуды. Маленькая, дряхлая, она, словно грибовидный нарост, торчала между двумя флегматичными зданиями на Коммершл-стрит. Приходской священник сетовал, что люди заглядывали в церквушку только по воскресеньям, если дождь лил, да и то при условии, что им удастся поживиться здесь деньгами. В противном случае народ просто разбежался по Петтикоут-лейн. Я на церемонию пришла в синем дорожном костюме и соломенном капоре, который, по настоянию сестры Парк, был украшен вуалью и бумажными оранжевыми цветами. Она сама их пришивала при тусклом сиянии свечи в комнате над помещениями больницы, где мы жили вместе. Я сказала ей, чтобы она поберегла глаза, но Парк была из тех женщин, которые получают удовольствие от подобных бессмысленных ритуалов, и потому слышать ничего не желала.

В роли шафера Томаса выступил его коллега доктор Ричард Ловетт. В больнице я его видела, но наши пути обычно не пересекались. По-настоящему я с ним познакомилась только в день бракосочетания. Вместе они держались как самые закадычные друзья: хохотали, пихали друг друга локтями, хитро перемигивались. Они даже внешне были похожи: оба темноволосые, высокие, стройные, холеные. Прямо род-

ные братья.

Сразу, как мы поженились, я уведомила о том матрону Лакс, и она, как и ожидалось, тотчас же меня уволила. У замужней женщины одно-единственное предназначение – быть достойной женой. Уход за больными – взыскательная профессия, требует полнейшей самоотдачи. На том и закончилась моя карьера, ради достижения которой я поставила на карту самое свое существование, отвергнув все то, о чем мечтала для меня бабушка. Я с готовностью переехала в худший, наверно, район Лондона и на протяжении двух лет старательно постигала сестринское дело, чуть не ослепла за книгами, чтобы получить желанное место сестры милосердия в больнице. Теперь же собственноручно я перечеркнула все свои достижения в приступе бесшабашной эйфории. Я не верила своему счастью: чтобы невзрачная старая дева вроде меня сделала блестящую партию, выйдя замуж за молодого красавца, который бы ее обожал... Так просто не бывает. Неужели на свете и впрямь случаются чудеса?

Пьянея от радости, я с восторгом представляла наше совместное будущее. Меня не покидало ощущение, что я удостоена штампа «одобрено». Что я перенеслась в другую реальность. Еще несколько недель назад я понятия не имела, как буду жить, что делать, а теперь я окунулась в совершенно иное существование, у меня появился человек, с которым я стану строить свое будущее. Был только один момент, когда я плохо сыграла свою роль. В предсвадебной суеде Томас

предложил провести медовый месяц в Брайтоне, а я немного замялась. Он поинтересовался, бывала ли я там раньше. Я солгала, сказала, что не бывала. Моя ложь не таила в себе никаких ужасов. Просто с Брайтоном у меня были связаны некие воспоминания, которым не так-то легко было дать надлежащее объяснение.

Мой новоиспеченный супруг снял для нас номер в гостинице «Королевский Альбион», расположенной прямо напротив Брайтонского пирса¹. Постоянно лил дождь, но я на непогоду почти не обращала внимания. В тот 1888 год лету никак не удавалось вступить в свои права: оно кашляло и плевалось, пытаясь вычистить из легких остатки суровой зимы. Лишь от случая к случаю поток света прорывался сквозь пепельные облака. Мы практически не покидали свой номер с огромными окнами до самого потолка. Убийства еще не начались. И я, очередная июньская невеста², наслаждалась медовым месяцем, с упоением познавала свой новый неизведанный мир, не задумываясь о том, что яркий блеск замужества первых дней со временем потускнеет.

По ночам ветер застревал в нашем гостиничном номере, завывая под потолком. А мы лежали в постели и слушали

¹ Брайтонский пирс был сооружен в мае 1899 г., а у нас пока действие развивается в 1888 г. (*Прим. пер.*)

² Июнь считается наиболее благоприятным месяцем для вступления в брак (особенно в странах Запада). Месяц назван в честь Юноны – древнеримской богини брака, семьи, материнства и женственности (*Зд. и далее примечания переводчика*).

его свист, оплетая друг друга руками и ногами. Кожа у обоих была гладкая и теплая, как бумага.

– Чапмэн, смотри, как мы здорово дополняем друг друга, – заметил Томас. – Прямо один в один, да? Словно высечены из одного куска камня. Созданы друг для друга.

И мы действительно идеально дополняли друг друга. Я была счастлива. Но это свое состояние я распознала не сразу. Огромное облегчение, что я испытала, внезапно избавившись от невзгод, в которых едва не утонула, затмило все остальные чувства. В том числе радостное волнение от того, что в моей жизни появился человек, с которым я могу строить будущее, и это после того, как я оставила всякую надежду снова почувствовать себя счастливой. Первые дни мы проводили в постели утро, день и ночь. Томас создавал свою частную практику, пациентов у него пока было мало, так что для отпуска это была самая подходящая пора. В скором времени он будет слишком занят, какой уж там отпуск! Мой замечательный муж вынашивал грандиозные честолюбивые планы. Если б мы не отправились на отдых сейчас, даже не знаю, когда бы нам в следующий раз представился такой шанс. Впрочем, все возможно. Все в наших руках. Именно этого ощущения мне не хватало, ощущения, что нас ждет прекрасное будущее. Мы создадим его вместе.

Свою «нору» мы покидали только для того, чтобы поесть, а потом, словно дети, на четвереньках наперегонки поднимались по лестнице и ныряли под одеяло. Томас научил меня

сдабривать бренди несколькими каплями настойки опия, от чего в груди поднимался жар, голова, казалось, вот-вот взорвется, и вообще возникало ощущение, будто я проваливаюсь в бездонную черную дыру. Но, когда он начинал целовать меня, на меня накатывали приступы безудержного смеха. Мы жили как в раю.

Томасу было свойственно чувственное восприятие мира, и он обожал все, что предлагала жизнь: еду и музыку, искусство и красивые вещи, архитектуру и приключения, алкоголь и опий. Мы были не ангелы, но за таковых никогда себя и не выдавали. Томас был человек импульсивный, не имел привычки противиться тому, что в тот или иной момент могло доставить ему удовольствие, а в ту пору ему хотелось ублажать меня. И я купалась в его нежности и сладострастии, порождавшем вожделение. Тогда еще я не знала, что те же самые желания могут быстро стать обузой. Я была очарована им. Последние месяцы были отмечены мрачными событиями, и теперь мне казалось, что меня толкают в другом направлении и что это самый верный путь – яркая жизнь, о которой я мечтала. Этот человек и я в роли его супруги – для меня новое поприще, на котором я способна освоиться и утвердиться. И я справлюсь на «отлично».

Томас зачастую вел себя как перевозбужденный ребенок. Носился туда-сюда и при этом не сводил с меня глаз, затаенных влажной поволокой, словно был заморожен. Старался вообще не выпускать моей руки. Выждав какое-то время,

я осторожно ее высвобождала, но его пальцы тут же находили мои. Его внимание было столь настойчивым и глубоким, что меня это смущало. Мы привлекали взгляды окружающих, но Томас вряд ли это замечал. Создавалось впечатление, что ему плевать на всех и на всё, кроме нас. Такое его поведение диктовалось не грубостью натуры или сознательным желанием оскорбить – просто он был так воспитан. Он не был научен принимать в расчет других или ставить чужие интересы выше собственных. Он очень высоко ценил себя, а значит, по его мнению, и я, как его жена, в глазах окружающих была важная персона.

Больше всего на свете мне хотелось стать такой, как он. Теперь, выйдя замуж за врача, принадлежавшего к верхушке среднего класса, в своем воображении я рисовала себе жизнь, не омраченную изнуряющим страхом надвигающейся нищеты. Я буду избавлена от тяжелого физического труда, за который платят крохи: сколько ни работай, денег с того жалованья, что тебе дают, не отложить. Теперь наконец-то у меня появилась возможность множить свое благосостояние, а не просто существовать. Мне выпал уникальный шанс, и моя единственная задача – не упустить его.

2

После медового месяца мы напрямик поехали в дом мужа в Челси. У меня не было времени подумать, какой он, и потому, когда кеб остановился возле особняка, у меня колени затряслись от страха: обвинение в мошенничестве – не самая приятная перспектива. Мне пришлось сцепить вместе ладони, чтобы скрыть дрожь в руках. Я никогда не жила в доме, где есть слуги или экономка. Я выросла в доме бабушки и дедушки, а там по хозяйству помогала всего одна поденщица да после смерти дедушки иногда приходил садовник, но вместе с хозяевами они не жили. Я понятия не имела, как обращаться со слугами, а они – народ ушлый, мгновенно признают во мне простолюдинку. Сочтут, что я не пара доктору, и будут совершенно правы. Я не воспитана для роли супруги знатного господина. Чтобы успокоить нервы, я стала расспрашивать мужа о домашнем укладе, но в голове свербела одна мысль: я совершенно не подготовлена к подобному образу жизни. Какая из меня хозяйка, если я трепещу перед прислугой?

– Во всем полагайся на мою экономку, миссис Уиггс, – сказал Томас. – Она здесь все знает лучше всех, даже лучше меня. Надежная, верная помощница. Другой такой не сыскать. Ей бы родиться герцогиней, но, к счастью, она досталась нам. В нашей семье она служит с тех самых пор, когда

мы с сестрой были еще младенцами. Миссис Уиггс – неотъемлемая часть дома Ланкастеров. Нам с ней очень повезло.

И вот теперь мне предстояло познакомиться с миссис Уиггс. После яркого описания в исполнении Томаса я представляла ее невысокой коренастой женщиной с пышной грудью: к такой прижмешь малыша – задохнется. Думала, что у нее теплая улыбка и коровьи глаза, всегда на мокром месте оттого, что ее переполняют хорошие чувства.

Миссис Уиггс, когда мы вошли в дом, ждала нас в холле. Она не производила впечатления женщины, которую переполняют хорошие чувства. От нее веяло чопорностью и холодом. При взгляде на экономку у любого могло перехватить дыхание. И у меня перехватило.

– Миссис Ланкастер, мы искренне рады приветствовать вас в нашем доме, – произнесла она.

Томас закрыл входную дверь, и нас окутал сумрак. Наши глаза, привыкшие к яркому дневному свету, с трудом ориентировались в новой обстановке. Единственным источником освещения была свеча на комод, над которым висело зеркало. Пламя трепетало, рассеивая мое внимание. Миссис Уиггс шагнула в ее сияние, и я усилием воли заставила себя не стискивать руку мужа.

Во всей ее внешности двигались только глаза. Скользили по мне вверх-вниз, впитывая каждую черточку. Томас представил нас. Она изобразила улыбку, что была мне хорошо знакома. Я сама так улыбалась, уверяя пациента, что в ана-

томическом театре ему не отрежут ногу. Подобная улыбка в лучшем случае была неубедительна.

– Миссис Ланкастер, я сказала, что мы искренне рады приветствовать вас в нашем доме. Хорошо доехали? Устали, должно быть?

Я осознала, что не ответила на приветствие экономки, а лишь тарасилась на нее, как рыба с выпученными глазами.

– О да. Благодарю вас, миссис Уиггс. Доехали... терпимо, спасибо. Я не очень устала, но спасибо, что спросили. Томас заверил меня, что мы с вами подружимся. Очень на это надеюсь. По его словам, вы незаменимы.

А что еще сказать? Я запаниковала. Не умея быть властной, прибегла к лестии. Так и хотелось поморщиться от собственного лепета.

– Конечно, мадам, если таково ваше желание.

– Есть еще слуги, с которыми я должна познакомиться? – Я была уверена, что таковые в доме непременно должны быть. Разве им не полагалось сбежаться и, выстроившись в ряд, приветствовать новую госпожу?

Томас чуть скривил губы в незнакомой мне сдержанной улыбке и посмотрел на миссис Уиггс.

– У нас есть кухарка и судомойка, Сара, – отвечала та. – А также садовник. Ну и, бывает, поденщица приходит, когда это необходимо. Но, миссис Ланкастер, прошу вас, если вам что-то нужно, обращайтесь ко мне, а я уж обо всем позабочусь.

– Видишь, Чапмэн, тебе вообще не о чем волноваться, – заметил Томас.

К этому времени он уже отцепил мои пальцы от своей руки и встал рядом с экономкой. Улыбаясь, как портрет, обводил взглядом дом, словно вспоминал, что где находится. Будто и не было нашего разговора в кебе и он не догадывается, что мне очень нужна его поддержка. Миссис Уиггс не отрывала от меня глаз.

Мне предстояло узнать, что она, подобно монахине, всю жизнь провела в услужении у Ланкастеров и была фанатично им предана. Ее янтарные глаза отливали оранжевым блеском; свои потускневшие со временем светлые волосы она всегда собирала на затылке в тугий узел. Возраст ее я затруднялась определить – седины на висках я не заметила, кожа была гладкая, – но, должно быть, ей было лет сорок пять. Спросить я, конечно, не осмеливалась. Она внушала мне ужас. Я была уверена, что миссис Уиггс способна заглянуть в самую глубь моей души и раскрыть все мои секреты. У нее, как у совы, были большие круглые глаза с тяжелыми веками, и я чувствовала себя мышкой под пронизывающим взглядом этой птицы, которая не набрасывалась на меня лишь из уважения к хозяину. Миссис Уиггс неотрывно за мной наблюдала, все примечала и уже составляла обо мне нелестное мнение.

Те первые дни мы были обходительны друг с другом, но пылки. Миссис Уиггс с деликатного расстояния наблюдала, как мы вытанцовываем друг подле друга. В своем доме мы играли в маму и папу, хихикая над нелепостью собственного поведения – ведь мы не имели ни малейшего представления, как ведут себя муж с женой. Потом, словно наш брак был выстроен из стекла, которому рано или поздно суждено было треснуть, между нами случилась первая размолвка, так сказать. Думаю, с этого все и закрутилось. Одно недопонимание – нечаянное столкновение в потемках, иначе и не назовешь, – и мы в корне отравили свой брак. А уж после зверь был выпущен на свободу. По крайней мере, мне так казалось. Не исключено, что наш брак был отравлен раньше, но это недоразумение послужило толчком.

Еще недели не миновало со дня окончания медового месяца. Я ждала возвращения мужа с работы, смотрела на часы. Когда он пришел, кинулась к двери встречать его. Миссис Уиггс не отставала от меня ни на шаг. По уже заведенному обыкновению мы поужинали вместе и затем поднялись наверх. Мы и дома продолжали баловать себя бренди, сдобренным несколькими каплями настойки опия, – за закрытыми дверями, через которые не проникал любопытный взгляд миссис Уиггс. Томас любил расслабиться после работы, и я

составляла ему компанию. В спальне мы проводили время за занятиями, свойственными новобрачным, но затем он попытался придать некую странную направленность нашим утехам, и я выразила протест. Просто от растерянности. Мне не совсем было ясно, чего он добивается, но я вовсе и не думала унижать его. Потом, когда поняла, чего он от меня требует, была шокирована и наотрез отказалась. Объяснила, что, на мой взгляд, это противоестественно. Томас оскорбился. Спросил, что значат мои слова. Я извинилась, ответив, что ничего обидного не имела в виду, но он толкнул меня на кровать, а сам встал, оделся и заявил, что я капризная, эгоистичная, избалованная особа.

Томас бросился вон из спальни, а я в смущении, замешательстве и тревоге стала кружить по комнате. Ожидая его возвращения. Была уверена, что, как только его смятение уляжется, он вернется. Потом я услышала, как хлопнула входная дверь, едва не слетев с петель. Дом аж задрожал от грохота.

Томас воротился на рассвете. Я это знаю наверняка, потому что ждала его и где-то в час ночи прилегла. Наша спальня находилась прямо над входом, а передняя часть дома начинала скрипеть, как старческие колени, когда дверь на улицу открывалась. Было, наверно, часа четыре утра: небо все еще имело чернильный цвет, тишину улиц изредка нарушали возчик или цветочница, спешившие на работу. Я лежала в постели, ждала, что он вот-вот войдет. Ждала напрасно. Его

шаги протопали мимо спальни, хотя, скорей всего, он заметил, что щель под дверью светится и, значит, я не сплю. Однако Томас напрямик прошел к маленькой лестнице, ведущей на чердак. Для человека, который клялся, что неутолимо жаждет меня, он проявил редкую выдержку, не уступив своему пристрастию. А ведь я с ним в нашем доме не прожила еще и недели.

3

На следующее утро за завтраком мы притворялись, что не замечаем друг друга. Я все ждала, что Томас поинтересуется, в чем дело. Он, разумеется, не спрашивал, и меня это сводило с ума.

Я только и слышала, как скрежещут его зубы, с жадностью перемалывая пищу. Сама я, в отличие от мужа, клевала как птичка. Монотонную размеренность завтраку придавали ритмичное звяканье столовых приборов по фарфоровым тарелкам да беготня миссис Уиггс, которая носилась как ураган, доставляя в столовую новые блюда. Я давила в себе порыв завести беседу, считая, что это он отверг меня, хлопнув дверью, а значит, не я виновата в создавшейся ситуации. Сама-то я ведь сразу извинилась за свою реакцию. Томас даже не смотрел на меня, и во мне шевельнулась тревога: на него это было очень не похоже. Он обожал меня. Я бы с радостью отмахнулась от того ужасного инцидента, объяснила бы его недоразумением, но Томас по-прежнему гневался, судя по тому, как он вгрызался в свой тост. Если он и был расстроен, на его аппетит, в отличие от моего, это никак не влияло.

Миссис Уиггс, конечно, быстро прочувствовала атмосферу. Она посматривала то на меня, то на Томаса. Я ощущала на себе взгляд экономки, но глаз на нее не поднимала. Она толклась дольше, чем нужно, возле Томаса, наливая ему чай.

Явно придумывала, что бы сказать.

– Доктор Ланкастер, в котором часу подавать сегодня ужин? – начала миссис Уиггс. – Миссис Ланкастер, у вас есть какие-то конкретные пожелания насчет вечерней трапезы? Вы только скажите, и я велю Саре. Наверняка вы знаете рецепты блюд, что готовили в вашей семье, и вы хотели бы видеть их здесь на столе? Благодаря знакомой кухне вы скорее обвыкнетесь в новой обстановке, ну а мы расширим свои горизонты. Бог свидетель, кухарка уже исчерпала весь свой запас идей.

– Ой, нет, миссис Уиггс, что-то ничего на ум нейдет. – С рецептами дело у меня обстояло туго. Готовить мне всегда было лень, и вообще к еде я была равнодушна. Я чувствовала себя никчемной: хорошая жена давно бы заучила наизусть тысячу рецептов. – Но я подумаю.

– Замечательно, – отозвалась миссис Уиггс. – Нам будет приятно, если вы внесете свой вклад.

– Я пока не знаю, во сколько сегодня буду дома, – заявил Томас.

– Идешь куда-то? – осведомилась я.

– Не могу сказать, во сколько освобожусь, – ответил он, все так же глядя в свою проклятую тарелку.

– Доктор Ланкастер, мы вас непременно дождемся, – заверила его миссис Уиггс. – Не дадим умереть с голоду после трудового дня.

– Нет-нет, придерживайтесь своего распорядка. Ждать

меня не надо.

Сделав глубокий вдох, я собралась было поинтересоваться, где он планирует быть. Но миссис Уиггс меня опередила.

– Доктор Ланкастер, вчера вы вернулись домой далеко за полночь, – заметила она.

Томас метнул на нее недобрый взгляд, и она отпрянула. Даже я поморщилась. Но миссис Уиггс быстро поправилась:

– Простите, сэр. Ради бога, простите. Я просто переживаю, что вы можете переутомиться. – Она подхватила чайник и поспешила ко мне.

– Благодарю за заботу, миссис Уиггс, но, если вы не забыли, я – врач и вполне способен сам позаботиться о собственном здоровье. Меня не будет. А вы с миссис Ланкастер тем временем проштудировали бы поваренные книги. Может, найдете в них что-нибудь стоящее.

Миссис Уиггс удалилась.

Оставить это так я не могла. Не могла допустить, чтобы он ушел на работу, а потом еще куда-то, не объяснившись со мной.

– Это из-за вчерашнего вечера, да? – спросила я.

Впервые за утро Томас встретился со мной взглядом. Глаза у него были холодные, безжизненные, мертвые.

– Из-за вчерашнего вечера? А что было вчера вечером?

Я смешалась. Понятно же, о чем идет речь. У меня язык не поворачивался назвать причину размолвки, я в первый-то раз чуть со стыда не сгорела. Я не имела ни малейшего же-

лания описывать словами вчерашний инцидент, тем более за завтраком.

– Я подумала, что ты, может, все еще сердишься на меня.

– Сержусь? Чапмэн, не ты одна занимаешь мои мысли, у меня много других дел. Я не всегда одержим тем, о чем ты, возможно, думаешь. Это я оставляю тебе.

Томас встал, бросил на стол салфетку, подошел ко мне и чмокнул меня в щеку. Я улыбнулась мужу, даже засмеялась, радуясь, что он заговорил со мной, но, если честно, я затруднялась определить – то ли он пытается ради нас обоих сгладить неловкость, то ли намекает, что я дура.

Через пару минут я услышала, как Томас о чем-то шепчется с миссис Уиггс у входной двери, но слов мне не удавалось разобрать. Потом дверь закрылась.

Миссис Уиггс вернулась в столовую и принялась убирать со стола. Я направилась из комнаты.

– Миссис Ланкастер, вы с доктором повздорили? – любопытствовала она.

От такой наглости я опешила. Полагала, что экономки не вправе расспрашивать хозяек про их личную жизнь. Однако сейчас я находилась не в самом выгодном положении, меня терзали сомнения, и на мгновение мне подумалось, что в ее лице я могла бы обрести союзника. Но я тотчас же отмела эту мысль. Нет, не стоит прежде времени с ней это обсуждать. Посмотрим, как Томас себя поведет.

– Нет, миссис Уиггс, все так, как должно быть, – ответила

я.

– В самом деле? – Мне показалось, она чуть вскинула брови, елеяно улыбаясь мне. – Что ж, это прекрасно. Только, по моему, доктор сам не свой был сегодня утром. Вот я и подумала, что, наверно, что-то случилось.

– Нет, миссис Уиггс. Не... – Я хотела указать ей, чтобы она не совала свой нос в чужие дела, а занималась своими на кухне, где ей самое место. Моя подруга Айлинг живо бы сбила с нее спесь, но я пока еще не чувствовала в себе должной уверенности. – Ничего не случилось, все хорошо.

– Простите меня, миссис Ланкастер. Извините, если я смутила вас. Я ведь просто хотела помочь. Очевидно, я перешла границы дозволенного. Вопиющая бестактность с моей стороны. Прошу вас, примите мои извинения.

– Миссис Уиггс, вам, право, не за что извиняться. Спасибо. Пойду искать рецепты.

Когда я была почти у выхода, меня снова настиг ее голос:

– Я всегда считала, что мужчине, который только-только обзавелся женой, *хочется* возвращаться домой. Возможно, нам стоит подумать не только о новых блюдах на ужин, но и позаботиться о том, чтобы доктор каждый вечер летел домой с работы как на крыльях.

– Прошу прощения? – Я так резко обернулась, что у меня чуть голову не оторвало. Я правильно поняла ее намек?

– Цветы! – воскликнула миссис Уиггс. – Доктор всегда любил свежие цветы – яркие, с сильным ароматом. У него

острое обоняние. Я договорюсь, чтобы нам каждый день доставляли свежие цветы, и мы будем по-разному расставлять их в доме. С цветами в комнатах станет веселее, да и для доктора это каждый раз будет новый сюрприз. В передней части дома мрачновато, правда? Нужно постараться, чтобы там стало уютнее.

Сияя, как майская роза, она понесла мимо меня поднос с грязной посудой. А мое смятение усилилось. Утренние беседы с мужем и экономкой привели меня в полнейшее замешательство. Мы вообще сейчас цветы обсуждали или что?

Да нет, это все нервы. Я слишком мнительна. Глупо искать скрытый смысл в каждом сказанном слове. Вот если бы с Айлинг посоветоваться... Она выдала бы тысячу рекомендаций о том, как разобраться со сложившейся ситуацией.

* * *

Не раскисай, велела я себе. Лучший способ избавиться от чувства неполноценности – найти приложение своим способностям. Этим и займусь, решила я. Спускаясь по лестнице, я увидела миссис Уиггс. Ее пучок исчезал в глубине узкого коридора, что вел в буфетную и на кухню.

– Миссис Уиггс! – окликнула я.

Экономка находилась от меня на удалении всего нескольких футов, но она не замедлила шаг. Не удосужилась ни остановиться, ни головы повернуть. Я подумала, что она меня не

слышала, и поспешила за ней. Миссис Уиггс отворила дверь на кухню. Я уже стояла у нее за спиной. Она обернулась, встретила мой взгляд, не отнимая руки от двери. Я улыбнулась. Она смотрела мне в глаза.

– Миссис Уиггс, как хорошо, что я вас поймала. Хотела узнать...

Она захлопнула дверь перед моим носом.

Я растерялась, стояла как оплеванная, выясняя отношения с дверью. Постучала и стала ждать. Ответа не последовало. Я взялась за дверную ручку, помедлила, собираясь с духом, распахнула дверь и закрыла ее за собой.

Миссис Уиггс, что-то говорившая кухарке и Саре, при моем появлении умолкла на полуслове. Ни Сара, ни кухарка не поднимали глаз. Экономка, казалось, была ошеломлена.

– Миссис Ланкастер, я как раз отдавала распоряжения прислуге по поводу того, что нужно сделать сегодня.

– Прекрасно. Продолжайте, – отрывисто бросила я – ни дать ни взять сержант в юбке.

Обе служанки упорно смотрели в пол, а миссис Уиггс обвела взглядом помещение, словно искала глазами случайно залетевшую сюда птичку.

– Что продолжать, миссис Ланкастер? – спросила она.

– Я намерена принимать участие в ведении домашнего хозяйства и потому должна знать, какие распоряжения вы отдаете. Подумала, что мне пора освоить здешние порядки. В конце концов, я... на моем попечении была целая палата, я

ассистировала во время хирургических операций. Уверена, что при надлежащем руководстве я сумею и здесь приносить пользу, – закончила я на пафосной ноте, вспоминая пламенные речи Матроны. Та словно выступала перед строем солдат, настраивая их на решительный бой.

Я почти слышала, как служанки глазами буравят дыру в полу, чтобы скрыться в ней и не быть свидетелями того, что грядет. Миссис Уиггс наградила меня ледяной улыбкой, посмотрела на служанок, на пол, словно оценивала запас своего терпения, и наконец остановила взгляд на мне.

– Миссис Ланкастер, идея замечательная, и, думаю, лучше начать с обсуждения того, как ее осуществить. Сделать это мы могли бы в столовой. Ее обогревает камин, там вам будет теплее. Я скоро подойду.

Я смиренно кивнула, чуть ли не присела в поклоне, и затворила за собой дверь, как послушный ребенок.

Миссис Уиггс я прождала более часа, но она так и не соизволила прийти. Кипя от негодования, я все-таки нашла ее. Она извинилась, объяснив, что сначала ей пришлось наставлять Сару – та не собрала горячую золу, а потом обнаружила, что картофель к ужину плохо почистили – не выковыряли глазки. В общем, к тому времени, когда она пришла в столовую, меня там уже не было. Уверена, весь этот фарс экономка находила уморительным.

Мне говорили, что я должна стать хозяйкой дома; но, судя по всему, хозяйка дома здесь уже была. Я чувствовала се-

бя абсолютно никчемной, но решила не оставлять попыток упрочить свое положение. Поначалу ведь всегда трудно. До знакомства с Айлинг в больнице мне тоже было одиноко и непривычно, и свое место под солнцем я завоевала не для того, чтобы с легкостью от него отказаться. На этот раз мне предстояло утвердиться без посторонней помощи. Я не сомневалась, что сумею отстоять свой брак, жить в ладу и счастии с мужем, и не теряла надежды на то, что даже миссис Уиггс в конечном итоге по достоинству оценит мои старания.

Разговор о цветах не шел у меня из головы. Я невольно думала, что миссис Уиггс намекала на мою внешность. В моде я никогда особо не разбиралась, ухаживала за собой лишь в той мере, в какой это было необходимо, чтобы выглядеть опрятной и пристойной. Прихорашиваться я не любила, – пока не познакомилась в больнице с Айлинг. Она укладывала мои волосы, подсказывала, какой цвет мне к лицу, а какого лучше избегать. До встречи с Айлинг я не придавала значения расцветкам. Покупала те вещи, что мне нравились, даже если я не нравилась им, как она выражалась.

По убеждению Айлинг, если чувствуешь себя ничтожеством, нужно пойти и купить смелое платье, шляпку побольше – по примеру представителей царства животных отпугивать недоброжелателей экзотическим «оперением», пока не расхрабришься. Значит, мне просто необходимо приобрести «экзотическое оперение». Теперь, когда мы с Томасом, казалось, помирились, я хотела произвести на него впечатление и вернуть наши отношения на тот этап, когда мне приходилось постоянно шлепать его по рукам. Возможно, передняя часть дома и впрямь выглядела немного мрачно. Что ж, я придам интерьеру более привлекательный вид.

Мне предстоял с Томасом еще один серьезный разговор, на который пока я не могла решиться. Сомневалась, что во-

обще стоит с ним это обсуждать. Однако мне было беспокойно в новом доме, беспокойно оттого, что он недоволен мной. Я чувствовала, что он охладевает ко мне, и подумала... Подумала, что это помогло бы вернуть его расположение.

Меня посетила мысль, что, обратившись за помощью к миссис Уиггс, я внушу ей чувство собственной значимости и, возможно, заслужу ее одобрение. Я понимала, что заискиваю перед экономкой, но готова была пойти на эту жертву и позволила ей заняться моими волосами. Она это предлагала с самого первого дня, но я все отнекивалась. Не видела в том необходимости, да и не хотела, чтобы она прикасалась ко мне. Меня от этого в дрожь бросало. Сразу вспоминалось, как бабушка меня причесывала: она так сильно вгрызалась гребнем в мои волосы, что голова чуть не отваливалась и глаза не вылезали из орбит.

В тот день, когда Томас соизволил подтвердить, что будет дома к ужину, вечером я попросила миссис Уиггс помочь мне уложить волосы. Она мгновенно встрепенулась. Такой оживленной я ее еще не видела.

– В самом деле, миссис Ланкастер? Вы уверены? Прежде, когда я предлагала свои услуги, вы не проявляли энтузиазма, – напомнила она.

– Это от смущения. Слишком много новых впечатлений: новый дом, новая обстановка, новые люди. Но это моя слабость, и я подумала...

– Я всегда помогала одеваться хозяйкам этого дома. У ме-

ня большой опыт. Я рада, что вы наконец-то прибегли к моим услугам.

Волосы у меня от природы вьющиеся и оттого непослушные, с ними трудно управляться. Я никогда не использовала чрезмерно много булавок, чтобы добиться эффекта гладкости, обычно закалывала волосы на затылке, а выбившиеся пряди не трогала, и они завитками обрамляли мое лицо. Миссис Уиггс, причесывая меня, то и дело корчила рожи, которые я прекрасно видела в зеркале. Меня это, естественно, раздражало, и я усилием воли заставляла себя не закатывать глаза к потолку, потому что мое лицо в зеркале тоже отражалось. Волосы мои она постоянно критиковала: жесткие они, с курчавыми прядями сладу нет. А то я сама не знала. Волосы-то ведь мои.

– Откуда, говорите, ваша семья родом? – спросила миссис Уиггс, так сильно гребнем натянув мои волосы, что у меня глаза на лоб полезли.

– Из Шотландии, – отвечала я. – Из Файфа.

– Из Шотландии! – фыркнула она. – В самом деле? Я и не знала, что вы шотландка.

– А я и не шотландка. Родилась я в Англии, мой отец... англичанин. – Мне не хотелось вдаваться в подробности своей биографии, и я перевела разговор на самую экономку. – А вы, миссис Уиггс? Откуда вы родом?

Не раздумывая, я повернула голову, глядя на нее снизу вверх. Она ладонями крепко обхватила ее за виски и повер-

нула лицом к зеркалу.

– Да как вам сказать... – Миссис Уиггс снова натянула мои волосы так, что у меня на глазах выступили слезы.

– Но вы же где-то родились?

– В Бристоле, – ответила она, резким тоном пресекая дальнейшие расспросы. Я поняла, что не только мне есть что скрывать.

– Шотландцы! Никогда бы не подумала! – снова фыркнула миссис Уиггс. – Скорей уж мавры, судя по вашим волосам. – Экономка вздохнула. – Из таких волос, миссис Ланкастер, нелегко будет соорудить что-то элегантное.

К тому времени, когда она закончила делать мне прическу, мои волосы были туго стянуты со всех сторон и собраны на макушке в огромную копну кудряшек. Я стала похожа на овцу. Но это было еще не самое страшное: затем она взялась за мой гардероб. Набросилась на него, словно моль. Одно за другим вытаскивала каждое платье, морща лоб, вытягивала его на обеих руках, словно под ее пристальным взглядом оно могло стать красивее, вздохнув, убирала его на место и брала другое, бормоча себе под нос что-то невразумительное. Наконец она остановила свой выбор на платье, которое, по ее мнению, было наименее безобразным. Я невольно рассмеялась. Оно было бледно-зеленое – фисташкового цвета. А в наряде именно такого цвета я, по словам Айлинг, похожа на чахоточную, которая вот-вот испустит последний вздох. *Надохлую девицу, что гремит костями и сипит так, будто по-*

тягивает в соломинку из пустой бутылки. От такой шарахаешься, как от черта, поскорей бы сдохла.

Я согласилась надеть это платье, чтобы положить конец испытанию и угодить миссис Уиггс. Надеюсь, что Томас, как и многие мужчины, не заметит, что фисташковый цвет мне не идет.

К ужину у меня дико раскалывалась голова. Когда я села за стол, Томас уставился на меня с выражением ужаса на лице.

– Боже, что ты сотворила со своими волосами? – Он разинул рот от изумления и, не сводя с меня глаз, расстелил на коленях салфетку.

– Решила попробовать что-нибудь новенькое. Тебе нравится?

– Нет, Сюзанна, не нравится. Прическа слишком высокая. Рядом с тобой я буду похож на циркового уродца, меня будут принимать за карлика. С такой прической твое худое лицо кажется круглым, как пирог.

Я оказалась в нелепом положении. Неужели миссис Уиггс нарочно сделала из меня уродину? Или же она ничего не смыслит в прическах, а я по глупости обратилась к ней за помощью?

Ужин продолжался. Я была настроена решительно, всячески старалась, чтобы вечер удался, невзирая на неудачное начало.

Но потом Томас заметил:

– Какая-то ты зеленоватая. Тебе нездоровится?

– Чертово платье, – тихо буркнула я и откинулась на спинку стула, бросив салфетку на стол.

– Прости, что ты сказала?

– Ничего, Томас. Ничего.

Зеленоватый цвет кожи явился подходящим поводом, чтобы затронуть тему, которую я намеревалась поднять весь вечер.

– Последние дни мне немного нездоровится.

– Вот как? Что случилось? Тебе повезло, что ты вышла замуж за врача. Чем я могу помочь, Чапмэн?

Я не знала, как сообщить деликатную новость. Понадеялась на свой язык.

– Думаю, может быть... с некоторых пор я *перестала испытывать недомогание*, – с запинкой произнесла я, рассчитывая, что он поймет.

Отреагировал Томас совсем не так, как я ожидала. У него перехватило дыхание, лицо вытянулось, посерело, как мраморный камень. Он заморгал, словно сломанная кукла.

– Томас? – окликнула его я.

Молчание затягивалось. Я попыталась взять мужа за руку, но он так стремительно отдернул ее, что я вздрогнула от неожиданности.

– Проклятье! – выругался Томас, хлопнув ладонью по столу.

На лбу у него пульсировала жилка. Он стиснул кулаки.

Сейчас точно что-нибудь швырнет, мелькнуло у меня. Таким я его никогда еще не видела.

– Что случилось? – спросила я писклявым голоском.

– Ничего! – рявкнул он. – Ничего. Мне нужно подумать.

Томас встал и покинул столовую, а я сидела за столом и недоумевала, как же получилось, что вечер, который я планировала целый день, закончился столь печально. Я чувствовала себя здесь чужой. Думала: какая-то я неуклюжая. Словно на мне лежит проклятье. Совершаю одну ошибку за другой, что бы ни сказала и ни сделала.

* * *

Открыто Томас не выражал своего недовольства, но я видела, что он злится на меня, будто я колдовством заставила плодоносить свое чрево и тем самым все испортила. Потом, спустя несколько дней, когда все вернулось на круги своя, я поспешила сообщить мужу, что поторопилась с выводами, что сбой в организме был вызван треволнениями, связанными с переменами в моей судьбе. Я думала, Томас обрадуется, а он снова рассердился. Разве что теперь гнев свой выразил в менее взрывной форме. На этот раз его обеспокоило, что подумают окружающие.

– Но я уже сказал в больнице, что скоро стану отцом. Доктор Тривз, услышав новость, даже поздравил меня! Ах, как нехорошо получилось! Так... придется сказать, что произо-

шел несчастный случай, что ты упала с лестницы.

– Я не думала, что ты кому-то скажешь. – Изначально у меня сложилось впечатление, что можно апеллировать к его благоразумию, но мне еще только предстояло усвоить урок, один из многих, что зачастую брак – это голый пустырь, где не действуют законы логики и здравомыслия. Как, видимо, и в нашем случае.

– Ты в своем репертуаре, Сюзанна! – заорал он. – Вечно все драматизируешь. Впредь, прежде чем сообщать мне нечто подобное, убедись, что ты не ошиблась. И вообще, какого черта ты дуришь мне голову своими женскими штучками? Знаешь, что люди подумают...

То, что затем последовало, явилось для меня полной неожиданностью.

– ...что ты стара для меня. Над нами будут смеяться. Вот честное слово, Сюзанна, столько шума из-за пустяка. А все потому, что тебе непременно нужно быть в центре внимания. Я мог бы прекрасно обойтись без... выдумок твоего больного воображения.

Расстроенная, я расплакалась. Томас обозвал меня истеричкой. И в этом обвинил меня человек, который взбесился из-за того, что я, возможно, жду ребенка, а потом – из-за того, что это не так. Мы были женаты всего несколько недель, а его поведение уже приводило меня в замешательство. Но я была готова простить мужа. Была готова лебезить перед ним по-всякому, лишь бы восстановить мир между нами.

Доктор Томас Ланкастер при своем росте шесть футов два дюйма³ был сложен превосходно, в отличие от большинства высоких мужчин, производивших впечатление долговязых скелетов – сплошь выпирающие коленки и локти. Расправив плечи, он скользящей походкой вплывал в комнату, словно собирался танцевать со всеми присутствовавшими там женщинами. Я же, имея рост пять футов девять дюймов⁴, всю свою жизнь сутулилась, чтобы не казаться дылдой среди других девушек. Ему было двадцать пять лет, и я остро сознавала, что он на пять лет моложе меня. Еще до замужества я замечала в нем признаки того, что можно назвать незрелостью, однако изъяны характера – дорогостоящая привычка, а Томас Ланкастер мог себе это позволить.

Муж язвил по поводу моего возраста и воображаемых истерик, по поводу того, что я недостаточно ухожена, необразованна, начисто лишена женской интуиции. Я мирилась с его жесткой критикой, потому что Томас, где бы он ни появился, становился центром притяжения; даже мебель сдвигалась к нему. Он умел внушить женщине, что она тонкая натура, прелестнейшее создание на земле, что это она, а не он зачаровывает сердца. Уходя, это ощущение он уносил с собой. Без его внимания я снова становилась невзрачной дурнушкой.

Во всех наших неурядицах была виновата я. Кто ж еще?

³ 6 футов 2 дюйма = 1 м 88 см.

⁴ 5 футов 9 дюймов = 175, 259 см.

Значит, я должна все исправить. Я ведь освоила профессию сестры милосердия; научусь быть и хорошей женой. Жизнь я воспринимала как лестницу, сплетенную из шелковой нити. Почти незримая, она парила в воздухе и, подобно паучьей паутине, лишь местами мерцала на свету. Я преодолела ступеньку за ступенькой, но стоит разок оступиться, и я рухну вниз, на самое дно – в рабочий дом или еще куда похуже. До знакомства с Томасом я жила в мире, где не было надежды, а он вызволил меня из него. Уже за одно это я должна быть ему благодарна, разве нет? Я до сих пор горбатилась бы в больнице, если бы Томас не подобрал меня.

* * *

Моей маме было шестнадцать лет, когда она родила меня, вне брака. Первые годы моего детства, пока она не умерла, мы жили в Уайтчепеле. Снимали комнату на Дорсет-стрит, в лабиринте зловонных темных переулков и дворишков, носившем название Никол. Этот факт своего прошлого, наряду с некоторыми другими, я предпочла утаить от Томаса. Насколько мне было известно, кроме меня самой, в живых уже не осталось никого, кто ведал бы о постыдном начальном этапе моей жизни.

Можно сказать, что Уайтчепел был подобен позорному гнойнику, вызревшему на заднице Лондона, который по обыкновению натягивал брюки и делал вид, будто чирья во-

все не существует. Столица Англии слыла самым богатым и могущественным городом в мире, но это никому и в голову не могло бы прийти, если судить о нем по таким районам, как Уайтчепел. Толпы людей в погоне за удачей устремлялись в Лондон со всех уголков страны и с дальних рубежей империи – постоянно прибывали ирландцы (их поток то увеличивался, то уменьшался), евреи, спасавшиеся от погромов, китайцы, индийцы, африканцы, торговцы. Самые презренные оседали на востоке, в Уайтчепеле, как сточные воды, направляемые в резервуар насосной станции в Кросснесе. К ним относилась и моя мама. Богатые заклеямили нас, нищих коренных британцев, безмозглыми лентяями, но независимо от того, правы они были в своей оценке или нет, нам, отверженным, все равно больше некуда было податься, и мы, припертые к стене, громоздились друг у друга на головах в Ист-Энде.

Если Уайтчепел слыл худшим районом Лондона, то тридцать улочек и дворов Никола считались самым гнусным кварталом Уайтчепела. В тамошних приходах не было мусорщиков, потому как местные обитатели не имели денег, чтобы их нанять. Освещение нам тоже было не по карману. Улицы увязали в вонючих отбросах, утопали в моче и крови из дубилен и скотобоен. А по ночам, когда их окутывал беспросветный мрак, квартал превращался в дикие джунгли, где царило беззаконие. Дома, стоявшие в ряд вдоль улиц, сухие и крошащиеся снаружи, внутри пучились от сырости. И

они были набиты до отказа. В одном таком домике проживало по шестьдесят-семьдесят человек. Каждый взрослый платил грабительскую ренту – почти все те жалкие крохи, что он зарабатывал. Зачастую в одной комнате ютились по нескольку семей; каждая отделяла свой угол простыней. Взрослые и дети спали нагишом в ведрах и бадьях. В одной и той же комнате зачинали детей и справляли нужду. Прогнившие лестницы и потолки обрушались; обои расползались от кишаших под ними паразитов. Некоторые жили по щиколотку в грязной воде в затопляемых подвалах, где приходилось дышать болезнетворным смрадом. Везде стоял зловонный дух – смесь запахов пота, экскрементов и всяких прочих продуктов ремесла, коим занимались обитатели того или иного двора: фосфора, копченой рыбы, мяса. Окна либо были черны от угольной пыли, либо разбиты и завешены мешковиной или газетами. В любом случае, их никто не открывал, так как на улице смердело еще сильнее. Несколько лет жизни в таких условиях, и легкие уже не излечить. Неудивительно, что, если кому-то из обитателей квартала удавалось дожить до тридцати лет, это считалось достижением.

Как ни странно, но именно клоповники Никола и других уайтчепелских трущоб слыли самыми доходными в Лондоне. Квартирантов пруд пруди, и почти никаких попыток улучшить условия их проживания. Имущие классы обвиняли нас в развращенности и беспомощности, однако домами в трущобах владели те самые разглагольствующие политики, свя-

щеники и законодатели, которые обязались служить тем, кого они презирали. Слава богу, что мне посчастливилось избежать столь унылого существования. Точно не могу сказать, что о той поре – реальные воспоминания, а что – плод моего воображения, но кое-что о том этапе своей жизни я знаю – от дедушки. Правда, о матери своей до поры до времени я никому не смела сказать ни слова. Мне повезло, что меня, незаконнорожденную, взяли на воспитание бабушка с дедушкой.

Отца я не помню и понятия не имею, что он был за человек. Бабушка, когда хотела пристыдить меня, говорила, что он либо цыган, либо уличный торговец, либо чернорабочий, – в общем, придумывала про него такую страшилку, которая, как ей казалось, в данный момент могла склонить меня к послушанию. В любом случае принадлежал он к отбросам общества. Если кто-то спрашивал, почему меня воспитывали дедушка с бабушкой, я, как была научена, отвечала, что мои родители умерли от скарлатины. Это я из раза в раз повторяла, как скворец, и всякий тактичный человек тотчас же прекращал дальнейшие расспросы.

После смерти бабушки я унаследовала ее скромный домик в Рединге, облюбованный крысами, и небольшую сумму денег. Ее поверенный, мистер Радклифф, обошелся со мной по справедливости, но на полученное наследство прожить было невозможно, мне требовался источник дохода, и я стала сестрой милосердия. Мне ведь нужно было зарабаты-

вать на жизнь, к тому же я хотела обрести профессию. Так я и оказалась снова в Уайтчепеле, только теперь в Лондонской больнице. Мы, медсестры, сами не жили в трущобах Никола, но наши пациенты были оттуда. Уход за ними таил в себе разного рода опасности, как мне довелось убедиться. Во время эпидемий медсестры тоже умирали, ибо наша жизнь проходила в непосредственной близости от инфекций, от которых мы практически не были защищены, – помогало лишь знание правил гигиены. Случалось иметь дело и с буйными пациентами.

Когда-то я даже на секунду не могла представить, что меня увлечет то, что я найду в Лондонской больнице. Я познакомилась с Айлинг и на какое-то время окунулась в жизнь, о существовании которой не подозревала, и уж тем более не смела о ней мечтать. Я была счастлива. Но стоило мне по воле Господа вкусить такой жизни, Он тотчас же положил ей конец. Жестокая ирония судьбы. Выскакивать замуж я, конечно, не собиралась, хотя многие женщины шли в сестры милосердия именно с этой целью, – к огромному неудовольствию Матроны. Она пыталась отсеивать романтических красоток, охотившихся за ранеными офицерами, но в мои планы замужество не входило.

В Англии, если ты не выходец из богатых слоев, самое большее, на что можешь рассчитывать, – это удерживаться на плаву, не погрязая в нищете. В этом мире полагаться можно только на себя, и я это принимаю. Деньги, конечно, здесь

крутятся, и деньги немалые. Только они остаются в руках все той же родовитой знати. Весь фокус в том, чтобы заполучить какую-то их часть в свои руки, а для этого ты должен быть готов играть не по правилам. Я заметила, что жизнь обходится с тобой более справедливо, если ты из семьи среднего достатка.

Нужно отталкиваться от того, что имеешь, и не упускать возникающие возможности. Для меня такая возможность представилась в лице доктора Томаса Ланкастера. Кто я такая, чтобы отвергать божий промысл?

Своего будущего мужа я впервые увидела в Лондонской больнице, когда он проводил занятие с медсестрами-стажерами, платившими за свое обучение. В ту пору настроение у меня было никакое – настолько подавленное, что это заметила даже Матрона. Из жалости она на время освободила меня от ухода за больными и поручила инструктировать стажеров в выполнении рутинных задач. Мне не хватало Айлинг. Я осталась одна. В Лондон я рвалась за свободой, надеялась найти здесь средства к существованию, а обрела гораздо больше того, на что рассчитывала. Но теперь этого не стало. Лучше уж вовсе не знать радостей, чем потом страдать от их отсутствия. Я была счастливее, когда не понимала, что я одинока. Теперь же меня не покидало стойкое ощущение, что я обездолена.

Я воображала, что сестринское дело – волнующая стимулирующая профессия, но первопроходцем я себя не чувствовала: возиться с грыжами и подкладными суднами – не ахти какое приключение. Мне казалось, что я скована незримой смирительной рубашкой, задыхаюсь от густого черного тумана. Я не видела впереди просвета, но ведь где-то он должен был быть? Я вела свое жалкое существование, поступала так, как мне полагалось, а жизнь проходила мимо. Я всегда старалась быть добродетельной, ждала вознаграждения за свое

благоденствие, а теперь вдруг поняла, что жду напрасно.

С уходом Айлинг жизнь моя стала пуста и бесцельна, и я даже подумывала о том, чтобы покончить с собой. Мысли о самоубийстве приходили неожиданно-негаданно, лезли в голову, вкрадчиво нашептывали в ухо, мягко внедряясь в сознание в отсутствие более конструктивных идей. Я представляла, как прыгаю с Тауэрского моста поздно ночью, когда меня никто не видит. Больно ли это? А вода будет очень холодная? Как скоро я умру? Как-то днем в одной из палат мой взгляд упал на открытое окно, из которого на улицу свешивалась занавеска. Поправляя ее, я подумала, что мне ничего не стоило бы выбраться из окна. В своем воображении я уже рисовала, как лежу на земле, переломанная и разбитая – кровавый мешок костей. Это положило бы конец моим вечным страхам за свое будущее.

Обучение группы девушек принципам наложения повязок, шинирования переломов и подготовки перевязочного материала не требовало особых физических и эмоциональных затрат, что для меня было идеально. Стажерки, круглолицые девицы, происходили из семей, принадлежавших к состоятельным слоям среднего класса, которые могли себе позволить платить за учебу. Как правило, это были неказистые рыхлые дурнушки, полноватые, с невыразительными чертами лицами. Когда они целой группой, раскрыв рты, тупо пялились на меня, я не могла отделаться от ощущения, что распинаюсь перед грудой вареного картофеля. Ма-

лахольные особы из зажиточных семей, они были лишены внешнего очарования: не умели ни петь, ни танцевать, зато любили поправлять друг друга, причем делали это весьма пылко. Одинокие девушки, они сбивались в кучки, как щетинки на щетке для волос. В другие времена им была бы прямая дорога в монастырь. Мне они напоминали меня саму. Именно поэтому мне было трудно относиться к ним с добротой. Однако для больницы они являлись хорошим источником дохода. Освоив азы нашей профессии, они устроятся частными сиделками в домах аристократов или других богатых пациентов. Обычные девушки, как Айлинг и я, по окончании курсов должны были отработать в больнице как минимум четыре года. Я пока отработывала первый, и мысль о том, что мне здесь торчать еще целых три года, повергла меня в глубокое уныние. Конечно, был и другой вариант: добиться того, чтобы меня уволили. Но эта идея мне не нравилась: если бы я зарекомендовала себя неудачницей, пусть даже по собственной воле, моя гордость не вынесла бы такого позора.

В то конкретное утро, собрав «картофелин» вокруг пустой койки, я рассказывала, как мыть прикованных к постели пациентов, и вдруг за спинами девушек заметила двух мужчин, о чем-то переговаривавшихся друг с другом, пока я пыталась вести занятие. Их тихие голоса рокотали одновременно с моим. Я рассердилась. До чего же они невоспитанные, эти врачи. Вечно срывают мероприятия, на которые они

не приглашены. Я бросала на них суровые взгляды, но они как ни в чем не бывало продолжали свою беседу. В одном я узнала больничного администратора, но второго – он был моложе и выше – я видела впервые. Когда он засмеялся, все девушки как одна повернули к нему головы и захихикали, – просто потому, что рядом с ними находился молодой мужчина. Рассвирепев, я обратилась к ним:

– Господа, какое счастье, что вы почтили нас своим присутствием. Мы как раз обсуждали правила мытья лежачих больных, а койка наша, как вы сами видите, пуста. Может быть, кто-то из вас, добрые господа, согласится сыграть роль прикованного к постели пациента? – Я похлопала по туго заправленным простыням.

Охи, подергивания плечами. Мои щеки опалил жар. Я чувствовала себя храбрее, когда мысленно формулировала свою тираду. Администратор, мужчина постарше с выпирающим брюшком, обтянутым вычурным жилетом, побагровел и зашаркал прочь, но молодой врач, казалось, вовсе не смутился. Он смеялся вместе с девушками, видимо наслаждаясь их вниманием. Свои руки при этом он держал в карманах, что я сочла безмерно оскорбительным. На меня он произвел впечатление неприятного, заносчивого типа. К тому же он обнажал в улыбке слишком много зубов, чем-то напоминая доисторический экспонат в музее.

Второй раз я увидела его – тогда-то мы по-настоящему и познакомились, – когда читала, сидя на скамейке в саду

крипты за зданием больницы. В поле моего зрения возникли два начищенных до блеска ботинка. Я подняла голову. Передо мной стоял тот самый молодой врач с чрезмерно большим количеством зубов, которыми он опять сверкал, улыбаясь мне. Ладно хоть руки в карманах не держал.

– Я должен перед вами извиниться, – произнес он, протягивая мне руку.

От неожиданности я встала и огляделась, испугавшись, что кто-то еще стоит у меня за спиной.

Его черные бакенбарды были пострижены с хирургической точностью, но поразили меня не они, а его голос. При его звуке во мне будто что-то со щелчком встало на свое место: пелена с глаз спала или, напротив, затуманила взор. В его низком ровном голосе резонировала властность, присущая более зрелому человеку. скрипуче-медовый, так бы я охарактеризовала его.

– За что? – Я быстро пожала ему руку и свою тотчас же отдернула.

– За то, что обидел вас. Хотя у меня этого и в мыслях не было. Вы инструктировали группу стажеров так, будто настраивали их на решительное сражение. По словам доктора Давенпорта, у вас репутация...

– О! Репутация? Какая же? – Меня это встревожило. Теперь, анализируя ту нашу первую беседу, я понимаю, что слишком легко поддаюсь на его нехитрую провокацию.

– Вообще-то, он готов биться об заклад, что вы станете

преемницей нынешней Матроны.

– Вот как?

Он словно удил рыбу в бочке, и я, неуклюжая глупая рыбина, никогда не державшая за руку парня, мгновенно попала на его удочку. Аж вспотела от его лести. У меня не только щеки зарумянились – все лицо покрылось испариной. Он наверняка это заметил.

У него были длиннющие черные ресницы, длиннее я даже у женщин не видела. На что мужчине, подумала я, такие густые изогнутые ресницы, как у олененка? Сущее расточительство.

Томас Ланкастер родился в городке близ Бристоля. По окончании учебы он два года проработал в Эдинбурге, а теперь был хирургом в Лондонской больнице. Слушая его, я заметила, что за нами наблюдают два молодых врача, которые остановились у ворот. Они пересмеивались и перешептывались. По-видимому, я стала жертвой какой-то злой шутки, догадалась я. Лишь позже я осознала, что один из них был Ричард Ловетт, которому Томас предложил быть его шафером на нашей свадьбе.

– А, так вы на спор, да? – спросила я.

– Прошу прощения?

Я показала на джентльменов у ворот. Томас посмотрел на них, потом снова повернулся ко мне и закатил к небу глаза.

– Еще раз примите мои извинения. Боюсь, они сочли, что я повел себя дерзко, посмея подойти к вам. Если честно, мне

кажется, они побаиваются женщин, особенно сестер милосердия. Я им сказал, что намерен спросить, как вас зовут.

– Чапмэн.

– Отлично. А я...

– Вы уже представились. И извинились тоже, если не забыли.

– Да, представился. Знаете, Чапмэн, почему-то в вашем присутствии я нервничаю. – Он приложил ладонь к груди. – Весьма рад знакомству. Позвольте узнать ваше имя?

Ну и наглец! Руки в карманах, и еще спрашивает, как меня зовут! Он пытался перехватить мой взгляд, а я свой отводила, так что глаза мои вращались, будто игрушечные шарики. Его смотрели пристально, словно буравили во мне дырочки, из которых должны вылететь бумажные листочки с моими сокровенными мыслями, а он их поймает и прочтет. У меня не было опыта светского общения с мужчинами. В разговоре с ними я либо робела, либо переходила на грубость.

– Сестра. Для вас я всегда буду «сестра Чапмэн». – Я выбрала грубость. – Задрала подбородок и прошествовала мимо него, прижимая к груди книгу. Даже не попрощалась. Поэтому, после нашей встречи я еще целых пять минут не могла выдохнуть.

После он всюду попадался мне на глаза. Взял себе за правило находить меня и вызывать на разговор, словно мы с ним были близкими друзьями. Не пойму, почему у него сложилось такое впечатление. Но когда бы мы с ним ни столкну-

лись где-нибудь в больнице, он обязательно бросал какую-то фразу, пусть даже самую бессодержательную.

«Доброе утро, сестра Чапмэн». Или: «Добрый день, сестра Чапмэн». Или: «Погода сегодня мрачноватая, вы не находите?»

Мне было ужасно неловко, потому что другие медсестры тарасились на нас с разинутыми ртами, недоумевая, откуда мы знаем друг друга. Всюду, куда бы я ни пошла, он внезапно вырастал передо мной, взмахивая своими нелепыми ресницами.

Я отметила несколько его недостатков, главным образом, для того, чтобы вразумлять себя, когда сознавала, что много думаю о зубатом молодом враче. Говорил он слишком громко; где бы ни находился, имел обыкновение концентрировать на себе внимание окружающих. Глаза у него были слишком светлые, хищные, как у кошки, и чрезмерно огромные; моргал он редко, и у меня не раз возникали опасения, как бы у него не развилась сухость глаза. Даже его походка раздражала меня: он вышагивал, как напыщенный павлин, – грудь колесом, голова закинута назад. Видя его в кругу медсестер, а это бывало часто, я всегда думала про себя: вот негодник. Он подходил к ним слишком близко, отчего они краснели и тушевались, что само по себе заставляло меня морщиться. Я считала его распутником, полагала, что он не пропускает ни одной молодой сестры милосердия. Была уверена, что у него непременно должны завязаться отношения с сестрой Мул-

ленс. Она отличалась исключительной красотой и, казалось, в медсестры подалась с одной целью – найти себе подходящего мужа. Подслушав, как в комнате отдыха девушки обсуждают его, я не могла понять, почему у меня внутри все переворачивается, когда кто-то произносит его имя. Они им восхищались: ах, какой он обаятельный, элегантный, высокий, добрый, сладкоголосый. О содействии просит так вежливо, так учтиво! Одна из медсестер сказала, будто слышала, что он сын баронета.

Мне льстило, что он взмахивает ресницами в мою сторону, но ведь красивой меня никак не назовешь. Значит, решила я, он ведет себя подобным образом со всеми девушками. Только я была далеко не юна. Мне к тому времени исполнилось тридцать.

* * *

Как-то апрельским вечером в складском помещении, что находилось за больничной аптекой, произошло возгорание, начался пожар. Томас и его друг Ричард Ловетт все еще находились в здании, когда прибыла пожарная команда. Из приемного отделения пришлось всех эвакуировать, отчего на Уайтчепел-роуд возник затор, но огонь потушили довольно быстро. Доктор Ловетт был сбит с ног и потерял сознание – очевидно, на него упало что-то тяжелое. Томас перекинул друга через плечо и попытался выбраться вместе с ним на

улицу. Но одна из штанин его брюк загорелась. Томаса поместили в одну из мужских палат. Говорили, что нога его опухла и покрылась волдырями, но должна зажить без особых последствий – только шрамы останутся. Томас прослыл героем, ведь он пытался вынести из огня друга. Доктор Ловетт отделался незначительными травмами. По его словам, он внезапно отключился во время беседы с Томасом и понятия не имеет, что на него могло свалиться.

Я не знала, как мне быть. Думала, что надо бы навестить Томаса: игнорировать человека, который старался всячески выражать тебе свое дружелюбие, бессердечно и жестоко. Но я стеснялась. Поэтому просто ходила мимо его палаты, притворяясь, будто иду по делам куда-то в другое место. Три дня так ходила, изобретая разные поводы, пока не собралась с духом. Потом дождалась окончания своей вечерней смены. В его палате было тихо и темно. Я кивнула дежурной медсестре. Она понимающе улыбнулась, кивком ответила на мое приветствие и продолжила что-то писать за столом.

Томас выглядел безмятежным, лежа на койке, и в кои-то веки не обнажал свои противные зубы. Он казался совсем юным. Мне стало неловко, и я тихонько пошла из палаты.

– В какие только тяжкие не приходится пускаться мужчине, чтобы узнать имя сестры милосердия, – раздался его голос.

Я обернулась. Глаза его были открыты, лицо озаряла широкая улыбка, подразумевавшая, что ему редко отвечают от-

казом.

– Шучу, конечно. – Томас приподнялся на локте. – Только безумец способен поджечь себя, чтобы привлечь внимание женщины. Может быть, вы и интригующая особа, но все же не Елена Троянская.

На первых порах его забавную привычку оскорблять меня я находила очаровательной. Его саркастические шуточки смешили меня и, естественно, привлекали мое внимание, но он и в последующие месяцы прибегал к ним, чем сбивал меня с толку, да при этом еще и отрицал, что он поступает жестоко.

– Больно? – спросила я.

– Сразу видно, что все ведьмы были женщины! Такой шум поднимали из-за того, что их сжигали на костре. Подумаешь, поджарили немного. Это вовсе не так страшно, как они сочиняли.

Было заметно, что он страдает: лоб его покрывала испарина, а ведь в палате было прохладно.

– Во всяком случае, с таким своеобразным чувством юмора вам не приходится скучать, – съязвила я.

– Мой отец был коллекционером. Собирал древности, сувениры, предметы искусства, любые вещицы, что он привозил из своих путешествий. Дома в большом зале стоит древнегреческая ваза, вся в трещинах, и на ней изображен женский кордебалет, так сказать. На заднем плане одна девушка – она выше своих подружек, с длинными черными волосами

и темными глазами – несет на плече кувшин воды. Остальные улыбаются, легкой поступью передвигаются в тростнике, с радостью выполняя свою повседневную работу, но моя девушка серьезна, словно недовольна тем, что ее оттеснили назад, что ей приходится наталкиваться на тех, кто путается у нее под ногами. Готов поклясться, что это вы, сестра Чапмэн, – точная копия. Жаль, что не могу вам сейчас ее показать. Отец грозился меня выпороть, если я разобью эту вазу, но меня всегда к ней влекло, с самого детства, и теперь я понимаю почему.

Не зная, что сказать, как себя вести, смущенная, неуклюжая, я лишь глупо улыбалась ему, но я зря беспокоилась: Томас и не ждал от меня ответа.

– Сестра Чапмэн, посидите со мной, пожалуйста, – попросил он. – Я буду вам очень благодарен, а то вряд ли я в скором времени усну.

* * *

Мне было на все глубоко плевать, когда Томас вторгся в мою жизнь. В какой-то момент на короткой волне оптимизма я решила положиться на свое сердце, ну а там куда кривая выведет: я была почти сломлена. Мне с детства внушали, что упорный труд и надлежащее поведение будут вознаграждены, но со временем я поняла, что доброта, великодушные, добропорядочность, отказ от соблазнов и сдерживание

собственных порывов, дабы не сбиться с пути истинного, не приносят наград, разве что мученикам, которые сами обрекали себя на страдания. Лишь умерев, я могла бы узнать, что слепым послушанием заслужила место в раю, но я не собиралась ждать смерти. Достаточно времени я потратила впустую, теперь буду делать, что хочу – в пределах разумного, конечно. Это новое правило распространялось и на Томаса, и очень скоро мы уже всю потакали своим непристойным желаниям. Я даже шокировала его своим вновь обретенным рвением.

Началось это в ту пору, когда он еще лежал в больнице. В очередной раз я пришла его навестить. Он привлек меня к себе и поцеловал, а я не выразила протеста. Этого могло бы не произойти, выбери он другое время или другой день. Я могла бы вскрикнуть, вырваться от него и убежать, но я не убежала. Я солгала бы, если бы сказала, что во мне проснулась страсть, когда его влажный подвижный язык проник в мой рот, но я его не остановила. Вскоре я делала все, что он предлагал, разве что не ложилась под него – не имела ни малейшего намерения повторять ошибки матери. Хотя он, конечно, пытался склонить меня к тому – яростно умолял, подобно избалованному мальчишке, которому не терпелось открыть подарки в канун Рождества. Он украдкой проводил меня в свой дом в Челси и прятал в спальне, где мы пили бренди. Когда он впервые предложил мне опий, я отказалась, но в следующий раз я попробовала настойку и подружилась

с ней. Это поможет мне расслабиться, объяснил Томас. Однако эффект был куда более сильный. Я забылась, перестала ясно мыслить – как будто вдыхала грезы.

Я спросила у него, сколько медсестер побывало в его спальне до меня.

– Нисколько, – ответил он.

– Я тебе не верю. За дурочку меня принимаешь?

– Ладно... В этот дом из нашей больницы я не приводил никого. Такой ответ тебя больше устраивает?

– Это больше похоже на правду, – сказала я. – В подробности меня посвящать не обязательно, но, прошу, не держи меня за идиотку. Я достаточно повидала в жизни и знаю, что мужчины поразительно предсказуемы в том, что касается их позывов.

– Чапмэн, не стоит делать выводы о мужчинах на основании того, с чем ты сталкиваешься в больнице. Те, кого ты там видишь, животные – животные в самом отчаянном состоянии: калеки или умирающие. Старайся воспринимать их не как людей – тех, что находятся в Лондонской больнице, людьми можно назвать с большой натяжкой, – а как быдло, средство для достижения цели. Я только так их и воспринимаю. В моем понимании они существуют исключительно для того, чтобы помочь мне стать блестящим хирургом. Если мыслить о них именно в таких категориях, тогда их существование в какой-то мере оправданно.

Но какой смысл мне становиться блестящей сестрой ми-

лосердия? Дополнительного дохода или славы мне это не принесет – только мученичество. Я могла бы трудиться не покладая рук в надежде на то, что в будущем на меня будет возложена более высокая миссия, я получу более приличное жилье, займу более высокий пост, но это все были бы нематериальные выгоды. Сестра милосердия может непосильным трудом свести себя в могилу, а так часто и бывает, поскольку мы работаем в непосредственном контакте с инфекциями и заразными заболеваниями, и при этом умереть в бедности. Я могла бы рассчитывать, что мне воздастся на том свете, но я не очень-то верила, что меня пустят в рай. Другое дело – хирурги. Они имели возможность разбогатеть, добиться всеобщего восхищения. Хирурги пользовались уважением, что само по себе было наградой. Некоторые женщины, как матрона Лакс и Флоренс Найтингейл⁵, уже принадлежали к верхушке среднего класса, когда решили посвятить себя нашей профессии. Вот им-то не надо бояться, что они умрут от голода или холода, если потеряют работу. В этом случае они могли просто вернуться в свои родовые поместья. Но таких женщин среди сестер милосердия было очень мало.

Томас был забавен, дерзок, шаловлив и самоуверен – отличное противоядие от угнетенного состояния самонаказания, что тогда пожирало меня. Прежняя Сюзанна отвергла

⁵ Флоренс Найтингейл (1820–1910) – британская сестра милосердия и общественный деятель Великобритании, основоположница современного сестринского дела.

бы его нахальные заигрывания, с визгом убежала бы, навсегда осталась бы «синим чулком», и Томас переключился бы на другую медсестру. Но я хотела, чтобы он оставался со мной, вроде домашнего питомца. Он обожал меня. Даже когда я была его маленьким постыдным секретом и он все норовил залезть мне под платье своими озорными ручонками, умоляя, чтобы я позволила себя пощупать, я не уступала, хотя мне тоже этого хотелось. С миссис Уиггс я тогда еще не была знакома, хотя она докучала нам, стуча в дверь. Томас кричал ей, чтобы она уходила, а я морщилась от смеха.

– Что она может думать о тебе, зная, что ты прячешь медсестер в своей спальне? – спросила я его однажды.

– Ничего! Она меня боготворит: в ее глазах я не способен грешить. А вот ты будешь заклеямена совратительницей, – расхохотался он. – Да, коварная ты женщина! Соблазнила юношу, не привыкшего к нравам большого города. – Обычно он говорил нечто подобное, языком пытаюсь проникнуть под мою одежду. Ощущение было такое, будто меня кусает угорь.

Потом он сажал меня в кеб, и я возвращалась в больницу, все еще ежась от сладостного возбуждения, в которое привели меня его ласки: казалось, кровь во мне загустела, стала как масло, вены вздулись, кожа горела. Я жалела, что не уступила ему. Это и есть то самое дурное, что, по утверждению бабушки, она во мне разглядела? Почему испытывать удовольствие – это грех? Почему я должна оставаться оди-

нокой и несчастной?

Меня немало тревожило, что Томас потеряет терпение, однако он принадлежал к той категории мужчин, которые даже мысли не допускают, что они могут быть отвергнуты женщиной, и потому моя неуступчивость сводила его с ума. Даже в больнице он постоянно терся возле меня, как кобель, так и норовя залезть под юбку.

Сплетни о нас распространялись по больнице с молниеносной быстротой, как пожар, вот-вот достигнут ушей Матроны. Остальные сестры милосердия перешептывались за моей спиной, я ловила на себе лукавые взгляды, но мне было все равно. Я стала ужасной медсестрой: рассеянной, равнодушной, невнимательной. Выполняла только самый минимум того, что от меня требовалось. А какой смысл усердствовать?

Томас много говорил о себе, это была его излюбленная тема. Мне самой о себе сказать было особо нечего, и такой расклад нас обоих устраивал. Я считала его милым, себя – умной. Пусть говорит, думала я, значит, мне нечасто случится что-либо выболтать о себе. Он спросил про мою семью, я рассказала ему старую байку про скарлатину, – что меня вырастили бабушка с дедушкой, а теперь уже и их нет в живых. Я одна-одинешенька на всем белом свете. Бедная незащищенная девочка. Я никогда ему не лгала, и новых вопросов он не задавал.

Он рассказывал, как рос в доме под названием Аббин-

Гдейл-Холл – большом георгианском особняке в селении Рэксэм, что находится в нескольких милях от Бристоля. А мне этот особняк представлялся дворцом. При доме имелись маленькая ферма, оранжерея и птичник. Однажды он упомянул, что у них двадцать слуг, так у меня чуть голову не снесло. Двадцать! Я силилась представить, чем все эти люди занимаются целыми днями. В поместье были пахотные поля, на которых выращивали урожай, пастбища для крупного рогатого скота и арендаторы, ухаживавшие за живой изгородью. Им пришлось нанять фермера, который вместе со своей семьей заботился об угодьях. А еще, по словам Томаса, на территории поместья были разбиты пейзажные парки, террасы, розарии, декоративные клумбы, даже дендрарий. Я боялась, он заподозрит, что толчком к пробуждению во мне страстного влечения во многом послужило его богатство.

– Мой отец называл наши угодья райским садом, – сказал он. – Там под деревьями растет черемша. Красота неопишьямая.

В моем представлении это и был рай. Детство Томаса прошло в мире, совсем непохожем на мой.

Однажды вечером, когда мы были в его спальне, он вдруг заявил:

– Когда мы поженимся и я завоюю славу величайшего хирурга Англии, мы с тобой уволимся с работы и поселимся там. После смерти матери я унаследую огромное состояние. У меня есть сестра-двойняшка, Хелен. И я, разумеется, о ней

позабочусь. Я ведь человек прогрессивных взглядов. Дам ей достаточно, чтобы она чувствовала себя счастливой. Ее хлебом не корми, дай что-нибудь организовать и привести в порядок. Малышка Хелен! Она всегда любила распоряжаться, и у нее это хорошо получается. Но наследник я, и этого не изменить.

Томас говорил все то, что мне хотелось слышать, но я была уверена, что он меня дразнит. Вряд ли он всерьез намеревался жениться на мне. Зачем ему это надо?

– И мы будем приглашать на чай королеву Викторию, и у меня отрастут ангельские крылья. Можно подумать, люди твоего круга женятся на таких, как я! Глупости. Лесть твоя приятна, но издеваться над собой я не позволю.

Мои слова его покоробили, и меня кольнуло чувство вины.

– А у тебя, значит, другие планы?

– По-твоему, мне не терпится выскочить замуж? Ну, конечно, о чем еще может грезить тридцатилетняя старая дева! К твоему сведению, у меня есть собственные устремления. Вот отпашу в больнице четыре года, как положено, потом уволюсь и уеду в колонии, буду работать там. Не ты один ищешь приключений и мечтаешь добиться успеха. Перебежусь в Африку или в Индию, может быть... Мне всегда хотелось жить в более теплых краях.

Конечно, никаких таких планов я и в помине не строила. Об этом всегда говорила Айлинг, и сейчас *ее* идеи слетали

с моих уст.

– Чапмэн, в Индию я тебе ехать не советую. Как бы заманчиво это ни звучало, поверь, нет никакой романтики в приступе дизентерии. А можно и малярию подхватить.

– Это ты так делаешь предложение? Выходи за меня – это лучше, чем дизентерия?

Томас расхохотался, отчего я лишь разозлилась.

– Что смешного?

– Представляю тебя в деревне прокаженных. Сомневаюсь, что это твое призвание, Чапмэн, учитывая твое отношение к выхаживанию соотечественников в Лондонской больнице. Не мешай себе жить, не пытайся избежать того, что неминуемо произойдет, не имея на то более веской причины, чем гордость. Выходи за меня! Мы с тобой слишком похожи, хоть и люди разного круга. Сам бог нам велел быть вместе.

– Я рада, что мои идеи тебя позабавили. Может, на ваш взгляд, доктор Ланкастер, я и отчаявшаяся старая дева, но даже я заслуживаю того, чтобы мне сделали предложение в более благопристойной форме.

– Ты к себе несправедлива. Послушать тебя, так ты прямо старуха, как наша Матрона.

– Я старше тебя.

– Ненамного.

– На сколько?

– Мне двадцать пять.

– Ты выглядишь на двенадцать. И как отнесется к этому

твоя семья? Они никогда не допустят нашего брака. Думаешь, мама твоя будет плясать от радости, что ее сын позвал в жены простолюдинку-медсестру, которая к тому же старше его на пять лет? Я воспитана в Армии спасения, доктор Ланкастер, привыкла стучать в тарелки и к тому, что пьяные закидывают меня овощами, так что, уж простите, но мне непонятно, зачем я понадобилась хирургу в качестве жены. Как-то это подозрительно.

Разгневанная, я встала с кровати и, подойдя к зеркалу, принялась приглаживать волосы и поправлять растрепанную Томасом одежду.

– Старовата я для тебя, во мне полно горечи, – сказала я ему. – Побереги свое красноречие для девицы помоложе. Тебе это не будет стоить таких трудов.

– Но мне нравится труд, Чапмэн.

Я напомнила ему, что у меня нет родных, нет богатых тетушек и дядюшек, от которых можно ожидать наследство. Он ответил, что мертвые родственники ему больше по нраву, некому будет докучать нам на Рождество. Я сказала, что у меня нет денег, нет приданого. Он ответил, что у него будет собственный доход, как только он организует свою практику, а когда-нибудь унаследует Аббингдейл-Холл со всем, что к нему прилагается. Но как же его мать? Разве она не должна одобрить его брак? Разве она уже не подобрала ему невесту?

– Чапмэн, в отношении меня ты должна четко усвоить кое-что. У меня есть любимая сестренка Хелен. Внешне

малютка, она, как и все маленькие существа, склонна вообразить себя более важной, чем это есть на самом деле. Представь себе разъяренного джек-рассела. Познакомишься с ней, сама поймешь, что я имею в виду. Хелен предпочитает, чтобы я жил в Лондоне и не мешал ей царствовать в замке, и пока я ей это позволяю. Со временем настанет и мой час, а пока пусть она правит домом и руководит слугами. Далее. У меня есть мать – тщедушная старушка. Она вся дрожит и трясется, но по-прежнему малюет лицо, подобно семнадцатилетней девице, которую должны представить ко двору, хотя оно у нее перекошено, а сама она слова не способна вымолвить, чтобы не пустить слюну. Я могу делать что хочу. Отца надо было бы опасаться, но его давно нет в живых. Умер, когда мне было четырнадцать лет. Сердце внезапно остановилось, как часы. Так что мы с тобой, Чапмэн, оба – вольные птички. Они не станут поднимать шума из-за моей женитьбы, даже если не одобряют мой выбор. Не рискнут устраивать сцену, опасаясь скандала.

Томас нерушимо верил, что жизнь его вознаградит. Только деньги внушают такую уверенность. Богатство в Англии существует под защитой заговора богатых слоев: без приглашения в их круг не попадешь. Такая, как я, возможно, настоящий вампир, но Томас уже находился в этом круге и настойчиво приглашал меня присоединиться к нему. Каково это – жить в особняке с двадцатью слугами и знать, что ты никогда не скатишься на социальное дно? Томас был чело-

век импульсивный, избалованный, шумный, стремился быть в центре внимания. Подобно отцу, он увлекался коллекционированием, любил ходить по магазинам и тратить деньги. Мне он купил мумифицированную голову из Южной Америки, – просто чтобы посмотреть, как я вскрикну, открыв коробку. В глубине души я подозревала, что для него я – тоже просто вещица, которую он пытается присовокупить к своей коллекции. Но даже если это и так, какая разница? Зато я стану хозяйкой дома в Челси.

Второй раз делая мне предложение, Томас заявил, что я обязана стать его женой, потому что он дальтоник и запросто может появиться на людях в плохо подобранном наряде. Мой святой долг – спасти его от этой участи. Мы оба рассмеялись. Томас действительно путал зеленый цвет с красным и иногда с коричневым. А в следующую минуту смех застыл у меня на губах, ибо он опустился на одно колено и преподнес мне огромный бриллиант в платиновой оправе. Лишь невероятным усилием воли мне удалось не утратить самообладание, а то глаза так и порывались вылезти из орбит. Я все ждала, что он отдернет руку, в которой держал кольцо, но он ее не отдергивал. И я ответила согласием. Я не ведала, во что ввязываюсь: происходящее больше напоминало мираж, призрачное видение, которое обычно исчезает, если долго на него смотреть; это была некая хрупкая идея. А в идеи легко влюбиться. Я лишь могла воображать, что моя жизнь значительно улучшится по сравнению с моим

нынешним существованием, которое зачиналось в нищете и позоре.

6

Дедушке с бабушкой доставляло огромное удовольствие рассказывать, как они забрали меня из Никола и впервые привезли в свой дом. Как я от страха залилась слезами при виде дедушки, приняв его за великана: он мне показался таким же огромным, как Биг-Бен. Я зарылась в юбки бабушки, прячась от него, и как он меня ни выманивал – цветами, что купил на вокзале, сладостями, привезенными из родного городка, – я всю дорогу до Рединга боялась взглянуть на него. словно щенок, я сидела, уткнувшись в бабушку, и, подобно щенку, думала, что, если я не вижу его, значит, и он не видит меня. Вдвоем они любили снова и снова переживать тот день, наперебой смакуя каждую подробность, заканчивая предложения друг за другом, хотя я слышала эту историю тысячу раз и сама могла бы изложить ее им в мельчайших деталях. Тот день, когда они нашли меня, воистину стал для них днем подлинной радости, ибо вместо утраченной дочери они обрели маленькую внучку.

На первых порах бабушкой я была заинтригована. Темными волосами и мелкими чертами лица она напоминала мне маму. Только мама по натуре была мягким человеком, а бабушку, казалось, отлили из стали. В маме подобной жесткости я не наблюдала. В моих воспоминаниях, сколь бы хрупкими и искаженными они ни стали за минувшие двадцать

пять лет, она оставалась ласковой и спокойной. Я считала ее слабой, но, если учесть, что ради возлюбленного она в шестнадцать лет сбежала из отчего дома, а потом, когда тот ее бросил, пять лет одна растила ребенка в Уайтчепеле, в ней, вероятно, был тот же стальной стержень. Может, мама поступила и неразумно, но она была отважнее меня. Тем не менее многие годы я ее осуждала, высокомерно недоумеваю, как можно быть настолько бестолковой, чтобы поставить на карту свою жизнь ради такой глупости, как любовь. Тогда я этого не понимала.

Каждый день, когда дедушка возвращался домой с работы, я пряталась за шторами и отказывалась выходить. Бабушка принимала это за непослушание, неуважение к дедушке и силком пыталась вытащить меня на свет.

– Не надо, Элма, – говорил дедушка, – оставь ее.

– Мы с ней должны быть строги, – звучало ему в ответ. – Она же дикарка. Обувь отказывается носить! Сбрасывает башмаки и босая бегаёт по земле. Домой приходит с ногами черными, как уголь. Что люди подумают!

– Оставь бедняжку в покое, – настаивал дедушка. – Сама выйдет, когда захочет.

Как же я ненавидела обувь, ненавидела, когда меня наряжали в платья с рюшечками и драли волосы, вплетая в них ленты. Но мне нравилось, что у меня есть своя кровать, что мне тепло. Нравился дом с множеством комнат, по которым можно было бродить. Нравилась еда. Правда, существовало

множество правил, которых я не понимала, а мне их никто не объяснял. Я как будто участвовала в игре, не зная ни ее названия, ни правил, которые мне приходилось постигать самостоятельно, проигрывая раз за разом. Бабушка говорила, что я свожу ее с ума, ибо, что бы она ни велела мне сделать, я всегда спрашивала одно и то же: «Зачем?»

Так продолжалось какое-то время. Я сбрасывала обувь, выдергивала из волос ленты, гоняла по лужайке уток, своими дикими играми досаждала безукоризненно чистеньким девочкам из городка, потом, когда домой приходил великан, пряталась за шторами, так как он наводил на меня цепенящий ужас.

От его поступи содрогалась земля, – по крайней мере, половицы под моим задом уж точно. Когда он усаживался в свое кресло, я слышала, как оно стонет. Своим могучим телосложением он напоминал мне чудовище, а с чудовищами я уже встречалась. Пока я пряталась за шторами, он, сидя в кресле, начинал читать вслух книги. Находил в Библии интересные истории и читал мне зычным голосом. Когда доходил до наиболее драматичных моментов, его голос крепчал настолько, что стекла в старом шкафу дребезжали, а огонь в камине шипел и плевался. Я наблюдала за ним, выглядывая из-за шторы.

– Ты чего, как полоумный, читаешь вслух в пустой комнате? – говорила ему бабушка.

– Какая ж она пустая? Ты разве не в счет? – парировал

дедушка, подмигивая мне. Я в это время уже припадала к полу с другой стороны шторы.

– Что люди подумают! – восклицала бабушка.

– Элма, никто ничего не подумает. Ты же сама сказала, что комната пустая.

Я взяла в привычку садиться у ног дедушки, слушая звучные переливы его голоса. А скоро уже бежала ему навстречу, когда он возвращался домой, потом забиралась к нему на колени, чтобы видеть слова на странице книги. Я по-прежнему говорила мало, а при чужих и вовсе немела и продолжала прятать лицо в юбках бабушки.

Однажды днем мы с ним сидели и вдруг услышали стук в окно, будто в него что-то бросили. Вздвогнув, мы посмотрели туда, но ничего не увидели. Дедушка велел мне оставаться дома, а сам вышел на улицу проверить, в чем дело. Вернулся он, неся в ладонях крохотную птичку.

– Сюзанна, это маленькая завирушка. Наверно, заблудилась или пустельги испугалась, вот и врзалась в стекло. Она просто оглушена. Мы найдем для нее коробку, согреем и посмотрим, придет ли она в себя.

Мне завирушка казалась мертвой, но дедушка выстлал старую коробку соломой, положил в нее птичку и закрыл крышку.

– Чтобы она очнулась, нужно на время оградить ее от ужасов внешнего мира. Зверю, когда он ранен или ему грозит опасность, необходимо где-то спрятаться. Так поступают все

умные животные. Заползают в щель, ужимая свой мир до крошечного пространства. Это природный инстинкт. Любое живое существо, когда оно сильно напугано, старается забиться в угол. Главное, потом понять, что опасность миновала, и найти в себе мужество снова расширить границы своего мира. Иначе может случиться, что мир для него и вовсе исчезнет.

На следующее утро, спустившись вниз, я увидела, что дедушка заглядывает в коробку. Он подозвал меня.

– Смотри, ожила, но она хочет есть. Сюзанна, беги во двор, накопи червей. Мы их порежем и накормим ее.

Слома голову я выскочила на улицу и голыми руками принялась выкапывать земляных червей у розовых кустов. Я чувствовала себя героиней. Как же, мы спасли живое существо! Я нашла трех извивающихся червяков и, держа их в ладонях, кинулась обратно в дом.

– Зачем ты тащишь в дом эту гадость? – завопила бабушка при виде червяков.

– Не кричи, женщина! – урезонил ее дедушка. – Это для завирушки. Молодец, Сюзанна! Мы накормим ее королевским завтраком и выпустим на волю – в ее новый мир.

– Господи помилуй, Эндрю! Сюзанна, словно собачонка, ползала на четвереньках, копаясь в земле. Что люди подумают!

– Я сильно сомневаюсь, что они вообще что-нибудь подумают.

Бабушка на этот счет имела совсем другое мнение. Она была непреклонна в том, что мой мир должен оставаться маленьким. Что само по себе было странно, принимая во внимание ее твердую убежденность в том, что за нами все наблюдают. Кто вообще были эти люди? Моя первоначальная привязанность к бабушке продлилась недолго. Я чувствовала, что она разочаровалась во мне, и отвечала ей строптивостью и дерзостью. Причесывая меня, она неизменно бурчала, что волосы мои густые и жесткие – просто ужасные. Полагаю, у меня были *ego* волосы. Готова поклясться, что она специально начинала меня расчесывать аж от бровей, корябая лоб щеткой. И чем больше я жаловалась, тем сильнее она драла меня щеткой. Дедушка обычно закрывал на это глаза – ради спокойствия в доме.

Когда я что-то делала не так, а это бывало часто (один раз меня уличили в том, что я запасаю хлеб под кроватью – по старой привычке, памятуя о том времени, когда я голодала; в другой раз я без спросу исчезла из дома на несколько часов, потому что нашла котят), бабушка винила в том мою *инакость*.

– В ней слишком много от *него*. Представляю, что таится в глубине ее черных глаз, – говорила она.

– Чепуха! Глаза как глаза. А какие они должны быть, по-твоему? Розовые, что ли? – отвечивал ей дедушка.

А еще бабушка постоянно брюзжала по поводу моей внешности.

– Посмотри, какая она уже дылда! Кто захочет с ней танцевать, если она растет как на дрожжах? Назови хотя бы одного мальчишку в городе, который мог бы угнаться за ней в росте. Ой, беда.

– Значит, я сам буду с ней танцевать, – усмехался дедушка. – Ростом она пошла в меня. Не волнуйся, Сюзанна, мы обыщем все уголки – Швецию, Норвегию, страну викингов – и обязательно найдем тебе мужа. И это будет человек знатного рода. Высокий и благородный.

– Прекрати, Эндрю. Зачем забивать голову девочки фантазиями?

– А что в том плохого?

– Девочка должна быть скромной и послушной.

– Эта девочка должна знать, что она представляет большую ценность – по крайней мере для меня.

– По твоей милости она вырастет хвастуньей, и никто не захочет взять ее в жены.

– Тем лучше. Значит, она всегда будет жить со своим старым дедушкой. Правда, Сюзанна?

Однажды я совершила воистину тяжкий грех. Играя с мальчишками в жмурки, единственная девчонка в их компании, я пыталась поймать одного из них и повалилась на него. Мы просто играли, а бабушка отволокла меня домой и давай лупить своей деревянной лопаткой, пока рукоятка не треснула. Даже старая поденщица в слезах умоляла ее остановиться. Дедушка по возвращении домой велел, чтобы она

больше пальцем не смела меня трогать. Она заявила ему, что с этого дня он дал мне добро открыто выказывать ей неповиновение.

К бабушке я не испытывала ненависти. Считала ее суетливой, придирчивой, рабом глупых бессмысленных правил и установлений. Она была одержима условностями, постоянно беспокоилась о том, что подумают люди, даже если поблизости никого не было. Мы с дедушкой по характеру были более схожи. Не думаю, что бабушка оправилась от второго жестокого разочарования: ребенок, которого она спасла и привезла в свой дом, не заменил ей первого. Я оказалась полной противоположностью ее несчастной маленькой Кристабель – моей матери. Я была рослой и неуклюжей, обо всем имела собственное мнение, половина во мне – естественно, ужасная – была от отца, хоть она и понятия не имела, что он был за человек. Порочность, твердила мне бабушка, растекается во мне, как деготь, который с годами лишь густеет.

Я думала, что мой дедушка бессмертен. Я никогда не видела, чтобы он страдал от недугов, жаловался на усталость или боль. Он был высок – 6 футов 4 дюйма⁶, – да еще всегда носил цилиндр. За свои внушительные габариты он не извинялся, но и никого ими не устрашал. Он служил в Армии спасения и настаивал, чтобы я ходила с ним на работу и своими глазами видела, какая судьба постигает женщин, принимающих неверные решения. Являясь членом Армии

⁶ 6 футов 4 дюйма = 193,04 см.

спасения, он категорически не принимал идею рабочих домов и их методов каторжного труда, наказаний и публично-го позора как формы контроля над беднейшими слоями населения. Он придерживался мнения, что люди, волею судеб оказавшиеся за гранью нищеты, заслуживают милосердия и сострадания. Несколько раз в месяц вместе с другими «бойцами» Армии спасения мы приходили к Редингскому рабочему дому, били в барабаны, в тарелки и пели. Дальше железных ворот нас не пускали, и, когда мимо тащились согбенные фигуры его обитателей с понурыми плечами, кто-нибудь из наших женщин, ударяя в барабан, кричал:

– Ты спасен, брат?

А в ответ звучало:

– Господь давно бы меня спас, да только ему до фонаря. – Или: – Будь я спасен, меня бы здесь не было, глупая корова.

У дедушки были свои непоколебимые убеждения, которые разделяли далеко не все. Многие, даже сами бедняки, презирали тех, кто был ниже их по положению, и считали, что благотворительность порождает дурное поведение. Тем не менее дедушка пользовался любовью и авторитетом. Его слово имело вес, когда он гасил ссоры, улаживал разногласия между конкурирующими лавочниками, убеждал гулящего мужа вернуться к жене или помогал брошенной женщине избежать рабочего дома и тем самым – разлуки с детьми.

– Сюзанна, ты ведь не выберешь себе в мужья такого идиота, да? Не разобьешь мне сердце, я надеюсь? Ты выйдешь

замуж за ученого, мыслителя, образованного человека, правда?

Я смеялась. Сама мысль о замужестве казалась мне абсурдной и далекой. Из того, что я видела, жизнь в браке не приносила больших радостей.

Мне было восемнадцать, а дедушке шестьдесят четыре, когда он порезал ногу об осколок стекла и спустя две недели скончался от заражения крови. Как такое возможно? Значит, Всемогущий Бог – злобный глупец, раз забрал его. Дедушку забрал, оставив на земле множество ужасных людей. Негодяев, которые, не раздумывая, подожгут весь мир, даже находясь при смерти. Приходской священник сказал мне, что Господь в первую очередь забирает лучших. Думаю, он хотел утешить меня. Если бы Бог спросил моего мнения, я в мгновение ока предложила бы вместо дедушки бабушку. Ужасно, но это так.

Следующие девять лет я провела с бабушкой. Дух ее угасал быстрее, чем тело. У нее случались приступы помрачения сознания, подводила память. Часто, потерянная, она бесцельно бродила по дому. Не желая признавать, что теряет разум, она пыталась ужать наш мир до невозможности, так что мы сами уже в нем не умещались. Если я уходила из дома по какому-то делу, она усаживалась в дедушкино кресло и вела счет секундам до моего возвращения. Если я задерживалась, она обвиняла меня в том, что я развлекаюсь с парнями. Нередко она называла меня Кристabelle. Бабуш-

ка прониклась уверенностью, что обитатели нашего городка стоворились против нее, и даже поругалась с одной женщиной из-за горшечного растения: якобы та его украла. А этот горшок сто лет стоял в саду той несчастной женщины: я, сколько себя помню, всегда ходила мимо него. Окружающие сочувствовали, но держались на почтительном расстоянии. Увядание разума – страшное проклятие, но еще страшнее это наблюдать.

Однажды, отлучившись из дома по одному делу, я отсутствовала дольше обычного, и, когда вернулась, бабушка со всего размаху тыльной стороной ладони хлестнула меня по лицу, так что до крови рассекла мне губу. А в следующую секунду спросила, что я такого натворила, за что она меня ударила. За несколько дней до кончины бабушки глубокой ночью я нашла ее в саду, где она, холодная как смерть, бродила в одной ночной рубашке. Дверь черного хода была открыта нараспашку. Когда я повела ее в дом, она спросила:

– Сюзанна, а что случилось с той маленькой птичкой, которую вы вдвоем нашли?

– Она улетела, бабушка. Улетела.

– А-а, ну слава богу. Это ведь хорошо, да?

Бабушка умерла в январе 1885 года, когда мне было двадцать семь лет. Сказать, что я испытала облегчение, – значит, ничего не сказать.

К концу июля отношения между мной и Томасом на какое-то время наладились. А потом, с первых же чисел августа, он опять стал пропадать – три ночи подряд где-то гулял. Я больше не силилась не засыпать, чтобы услышать, в котором часу он вернулся, посему как-то утром очень удивилась, когда он вышел к завтраку.

Всем своим видом я изображала праведное негодование, притворяясь, что читаю газету, а сама нет-нет да поглядывала на мужа, ожидая, что он посмотрит на меня. И вдруг заметила царапины у него на шее: две красные полосы, свежие, будто оставленные острыми женскими ногтями. У меня неприятно закрутило в животе. Томас сидел и завтракал как ни в чем не бывало. Я несколько раз моргнула в надежде, что ссадины исчезнут, но они продолжали багроветь на его шее, словно насмехаясь надо мной. Два месяца! Мы женаты всего два месяца, черт возьми!

Когда бы я ни спросила, куда он исчезает на вечер, Томас отвечал, что он занят на работе, навещает частных пациентов, обедает с приятелями, заводит важные знакомства... Список его вроде бы правдоподобных и резонных отговорок был бесконечен. Меня так и подмывало кинуться к мужу через стол и самой в кровь расцарапать ему лицо. Я сдерживала свой порыв. Укоряла себя: он заслуживает от меня большей

благодарности. Я ведь не самая привлекательная медсестра в больнице, однако Томас выбрал именно меня. Посему я сидела и молчала, как обиженная идиотка, чувствуя, что меня бросает то в жар, то в холод, а уверенность в себе то крепнет, то ослабевает.

– Томас, – наконец произнесла я, – откуда у тебя на шее царапины?

Он замер. Казалось, все мышцы в его теле окаменели. Он перестал возить по тарелке фаршированные яйца и наградил меня сердитым взглядом. Я чуть не извинилась. Природа наделила Томаса длинными черными ресницами, но, когда он злился, его голубые глаза становились холодными, как у рыбы. Казалось, на тебя смотрит мертвец.

– Какие царапины? – спросил он, откусывая тост. И продолжал завтракать. Комнату снова наполнило звяканье металла, постукивающего по фарфору.

Моему изумлению не было предела. Я тут, понимаете ли, развожу перед ним политесы, а его даже не смущает, что жена заметила на нем отметины, оставленные другой женщиной. Хоть бы извинился. Мне бы, конечно, смолчать, но надлежущая покорность мне по-прежнему давалась с трудом. Как реагировать на столь вопиющее оскорбление? Я демонстративно шелестела газетой, ожидая, что он спросит, чем я недовольна. Не помогло. Я задумалась о женщине, оцарапавшей моего мужа. Надеялась, что она прекрасна, иначе я просто не вынесу, если окажется, что она еще зауряднее, чем я.

Миссис Уиггс, как обычно, вертелась рядом. Влетела в столовую, неся поднос с чайными принадлежностями и блюдом из фаршированных почек, которое ни Томас, ни я есть не собирались. От него поднималась несусветная вонища, обволакивавшая нас, как туман – Темзу.

– Миссис Уиггс, вы видите царапины на шее доктора Ланкастера? – осведомилась я.

Я знала, что она заквохчет. Верная себе, экономка со стуком опустила поднос на стол и поспешила к хозяину. Тот попытался отмахнуться от нее, как от назойливой мухи.

– Ох-ох, боже мой, доктор Ланкастер! – запричитала миссис Уиггс.

Томас бросил на меня мрачный взгляд. Я прикусила губу, чтобы скрыть улыбку.

– Как же вы так неосторожно? Заразу ведь можно подхватить. Это пациент вас так?

– Кошка. Совсем забыл – только теперь вспомнил, – ответил Томас.

Я с трудом сдержала смех. Томас ненавидел кошек. Он вообще животных на дух не переносил. Считал их грязными существами. Ни при каких обстоятельствах он не подпустил бы к себе кошку. Миссис Уиггс стояла и слушала его поразительную сказку, раскрыв рот, ловила каждое слово. Томас сочинил фантастическую историю про даму, потерявшую свою питомицу. С ней он столкнулся по пути домой. Томас не забыл упомянуть, что эта дама – очаровательная элегантная

молодая особа, а сам при этом поглядывал в мою сторону. Кошка прекрасной молодой леди сбежала от своей хозяйки и увязла в грязи на берегу Челси-крик, вот ему и пришлось спускаться к речке, чтобы спасти бедняжку. Томаса воротило от одного вида грязи. Терпимо он относился разве что к крови и гною во время хирургических операций, и то лишь исключительно потому, что это был прямой путь к успеху. Когда Томас закончил свой рассказ, миссис Уиггс распира-ло от гордости за него, словно перед ней сидел сам Георгий Победоносец, сразивший дракона, хотя он всего лишь спас кошку. В чем я очень сильно сомневалась.

– О, доктор Ланкастер, кошки ужасно дрянные существа. Да хоть бы она десять раз была питомицей леди, а зря вы не дали ей утонуть.

– Каждый должен поступать по совести, миссис Уиггс, – ответил Томас.

Знай я, какой он на самом деле, ни за что не стала бы за-дирать его по поводу этих проклятых царапин. Я бы подхва-тила юбки и бежала прочь из его дома, как можно дальше. По правде говоря, я уже тогда понимала: что-то здесь не так. Но отказывалась признать, что совершила ошибку. Убежда-ла себя в обратном, любуясь бриллиантовым обручальным кольцом. Мне нравилось чувствовать его тяжесть; оно, слов-но якорная цепь, приковывало меня к дому в Челси, прого-няло страх голода и английской зимы. Я начинала постигать силу денег, позволявших пользоваться определенными бла-

гами. Деньги – это прежде всего простор, пространство, в котором можно двигаться, дышать, удобно вытянуть ноги, не опасаясь упасть. Бедные люди – ничтожества, их удел теснота. Бедность – это согбенное тело, сложенное в три погибели, зажатое со всех сторон. Задавленное, замурованное, лишенное возможности дышать. Здесь же я наслаждалась простором. В буквальном смысле. В особняке в Челси имелись комнаты, в которых можно было кружиться на площади в несколько футов, не задевая мебель. Я знаю наверняка, потому что как-то раз, страдая от безделья, пробовала это делать.

Томас встал, надел сюртук, посмотрелся в зеркало над камином, любуясь своим отражением, пригладил безупречно черные бакенбарды.

– Есть интересные новости, дорогая? – спросил мой муж, поворачивая голову и так, и эдак, чтобы убедиться в идеальной симметричности своего отражения.

Рассудив, что благоразумнее не гневить его, я опустила глаза в газету, которую листала все утро. Взгляд упал на одну маленькую заметку.

– Женщину какую-то убили в Уайтчепеле.

– Надо же, вот это новость, – прокомментировал он и, не глядя, швырнул мне на колени «Ивнинг ньюс». – Почитай лучше что-то более жизнеутверждающее. Например, что у принца нога заболела.

Наклонившись, Томас энергично чмокнул меня в ще-

ку, попросился, повернулся на каблуках, словно немецкий граф, и ушел.

Поведение мужа немало меня смущало. Почему он отрицал, что у него на шее царапины? И потом, эта нелепая история про кошку... То есть, какую бы сказку господин ни рассказал своим домочадцам, ее достоверность не подвергается сомнению, так, что ли? Несмотря на то что любой другой человек, имеющий глаза и уши, сочтет ее смехотворной? Я относила это на счет того, что у меня нет опыта супружеской жизни и мало что известно о нравах верхушки среднего класса. В принципе, в моем восприятии все это было по меньшей мере странно, как будто я жила с иностранцем. Мы говорили на одном языке, но временами казалось, что одни и те же слова, звучавшие из моих и его уст, означают совершенно разные вещи. Мое изначальное стремление занять авторитетное положение в доме уже улетучилось, и теперь моей энергии хватало лишь на то, чтобы пытаться приспособиться к предлагаемым обстоятельствам. Но, во всяком случае, мне не приходилось выносить судна и выхаживать больных, у которых грыжа размером с Уэльс. Я винила себя. Вечно ступала своими неуклюжими лапищами не туда, куда надо, и никак не могла приучить себя держать язык за зубами. Завизжала на него, как торговка, когда он упомянул мой возраст. И, естественно, ничего этим не добилась. И это был не последний раз, когда я не сумела понять, чего от меня ждут.

Пребывая в унылых раздумьях, я неожиданно для самой

себя снова наткнулась взглядом на статью в газете, которую Томас так непочтительно отмел. Заметка была маленькая и по большому счету довольно стандартная, но скудные подробности сами бросились мне в глаза, как это всегда бывает, если в заголовке упомянут твой родной город.

КОШМАР И УЖАС В УАЙТЧЕПЕЛЕ

В мертвецкой Уайтчепела находится неопознанный труп женщины, которую зарезали насмерть сегодня в период между двумя часами ночи и четырьмя часами утра. Ее изуродованное тело было обнаружено на лестничной площадке в Джорджиз-билдингз (Уайтчепел). Джорджиз-билдингз – доходные дома, заселенные рабочим классом.

Женщине было нанесено двадцать четыре удара острым предметом. Орудие убийства не найдено, следов убийца не оставил. Жертва – женщина средних лет и среднего роста, черноволосая, с круглым лицом. Судя по всему, она принадлежала к низшему сословию.

То первое сообщение было не очень информативным: несколько строчек, примечательных лишь тем, что они в немногословных выражениях уведомляли о совершении жестокого преступления. По непонятной причине я подумала про Томаса и его царапины, однако он был не из тех, кто любит слоняться по Уайтчепелу. Двадцать четыре колотые раны...

Спустя несколько дней в газетах появились новые подробности убийства. В одной утверждалось, что женщине нанесли не двадцать четыре, а тридцать или сорок ударов. Один из бедняков, спускаясь по лестнице, споткнулся о ее тело. Он был не первым, кто прошел мимо убиенной: в половине четвертого утра еще один обитатель переступил, как он думал, через спящую бродяжку, по пути в свою каморку. Без четверти пять очередной жилец обратил внимание на женщину, лежащую в луже крови, и побежал искать полицейского.

Сообщалось, что были арестованы два солдата из Тауэра; потом – что солдат этих отпустили без предъявления обвинения.

В последующие дни история с убийством женщины не шла у меня из головы. Трупы на улицах Уайтчепела или на лестницах в трущобах Никола не были необычным явлением. Убивали из-за самых обыденных вещей – табака, мыла. Однако у этой женщины была исколота вся грудь и вообще все тело. В свою бытность медсестрой я обрабатывала множество подобных ран, нанесенных самыми разными острыми предметами, порой по несколько раз, но убийство этой женщины меня шокировало: чтобы нанести тридцать ударов, нужно потратить немало сил и времени. К сожалению, мужчины в приступе ярости или страсти нередко забивали жен до смерти тем, что попадалось под руку, либо могли пырнуть их ножом или задушить. Но это жестокое убийство было совершено ради забавы. Тот, кто, рискуя быть пойман-

ным, не жалел сил своих, не спеша расправляясь с жертвой, должно быть, заранее предвкушал удовольствие от собственного зверства.

Сама эта женщина ничем выдающимся не отличалась. Рост – средний, возраст – тридцать-сорок лет, одета в темное грязное рваньё, никаких мало-мальски любопытных вещей при ней не обнаружили. Явно, что ее никто не стал бы искать. Эта несчастная могла бы похвастать лишь тем, что ее, всю в дырках, как решето, нашли на дне лестничного колодца, где она скончалась, не проронив ни звука, ибо никто из семнадцати обитателей дома шума борьбы не слышал.

У меня вошло в привычку собирать газетные сообщения, и я сохранила все заметки, посвященные этому убийству. Интересные публикации и статьи о памятных событиях я начала коллекционировать со дня нашей свадьбы – надеялась составить альбом из газетных вырезок, в котором были бы документально отражены вехи нашей совместной жизни. Затея дурацкая, жалкая дань романтизму. Романтиком я оказалась никудышным; меня больше привлекали мрачные истории. Томаса веселил мой нездоровый интерес к жути. Со смехом он трепал меня по голове, считая это признаком наивности. Если б он узнал, сколь много мне известно о преступлениях, вряд ли бы его это позабавило. Представляю, на какие «романтические» воспоминания воодушевила бы нас эта моя привычка через двадцать лет. *Ой, дорогой, а ты помнишь то убийство? Какой это был ужас!* В действительно-

сти, мой интерес отчасти возник от отчаянного желания найти себе какое-то занятие. Уйдя из больницы, я теперь жалею, что передо мной больше не стоят никакие задачи; меня заедала мучительная скука, нужно было чем-то занимать себя. А те истории, одновременно знакомые и, к счастью, далекие, разжигали мое любопытство.

Миссис Уиггс, увидев в столовой разбросанные на столе газетные вырезки, попыталась их выбросить.

– Эти мерзкие сообщения о порочности заляпаны отпечатками тысяч грязных людей, а кто знает, где побывали их руки, – заметила она, наблюдая, как я складываю вырезанные из газет статьи.

Я убрала их в буфет в дальней части столовой, которую обычно не использовали. В доме нас проживало всего несколько человек, мы вполне умещались в передней половине, которую от задней отделяли двустворчатые деревянные двери. То помещение оставалось холодным и темным; там не топили камин, не зажигали светильники, пока я не стала проводить в нем время.

– Миссис Ланкастер, прошу вас, подумайте, сколько скверны осело на тех грязных газетах, которая теперь распространяется по дому, – с завидной периодичностью твердила мне экономка.

– Миссис Уиггс, мне они нужны лишь для того, чтобы обсуждать с доктором Ланкастером текущие события. Должна же я как-то стараться удержать его внимание, он ведь очень

умен, как вам хорошо известно.

* * *

Из прислуги только миссис Уиггс жила с нами в доме. Кухарка и судомойка Сара приходили на работу каждый день. Кухарка, возможно, иногда спала в кухне, хотя мне туда не было нужды наведываться, да и желание всякое пропало после того, как в последний раз меня оттуда выставили с позором. Как знать, может, она вообще там со всей своей семьей обитала. Сара была хилая девушка с тонкими губами, жиденькими волосами, резкими чертами лица и вечно неприязненным взглядом. Думаю, моя коллекция газетных вырезок вызывала у нее недоумение, и она, я уверена, не теряла надежды, что однажды ее господин женится на настоящей леди, а та будет давать торжественные ужины и наполнит дом лентами и шляпками – никчемными фривольными вещицами, как мне с детства внушали. Я ставила ее в тупик. Да и себя тоже.

Куда бы я ни удалилась в доме, миссис Уиггс старалась меня выследить, гоняясь за мной из комнаты в комнату, при этом она всегда таскала за собой Сару, раздражаясь тирадами – для моих ушей.

– Сара, дом – это поле сражения. Мы, слабые женщины, не должны давать себе ни минуты отдыха, заявляя, что расправились со всеми врагами чистоты. – С важным видом она

расхаживала по комнате, будто генерал, обозревающий поле боя по окончании кровавой битвы, и давала Саре сразу по семь поручений.

Миссис Уиггс убедила себя, что городской воздух ее убивает. Если не сам лондонский воздух, тогда его паразиты. Они плетут против нее заговор и мгновенно одолеют, стоит ей устроить себе минутную передышку. Бедная Сара приводила в исполнение план обороны экономки. Та заставила ее наделать бумажные мухоловки и развесить их по всему дому, особенно в коридорах и на кухне, потому что именно там во множестве роились мухи. Если миссис Уиггс не воевала с мухами, она стряпала отраву для тараканов из свинцового сурика, черной патоки и пищевой соды, которую раскладывала по углам в каждой комнате. Томас однажды наступил на эту смесь и расвирепел, с воплями скача по всему дому и изрыгая проклятия. Я закашлялась, чтобы скрыть распивший меня смех, и убежала в другую комнату.

– Меня постоянно мучает кашель, и от него никого спасения, – жаловалась миссис Уиггс. – Должно быть, из-за тумана. Он заползает под дверь, несет с собой копоть, гнусь и заразу, что плывут в нашу сторону из зловонной ямы, которую кличут Темзой. А вонища-то!.. Окно боишься открыть из страха надышаться ядом, а заднюю дверь нельзя отворить, потому что нас заедят мухи. Я не могу дышать в этом городе. Что, если из-за нездорового воздуха у меня развилась чахотка? Сколько мне осталось?

– Воздух тут ни при чем, миссис Уиггс. Это устаревшие взгляды. Нынче в моде микробная теория. Убивают инфекции, коими поражены люди. Если они кашляют или чихнут, вам конец, так что в дом лучше никого не приглашать, – дразнила я ее, просматривая какую-нибудь газету в поисках новых сообщений об убийстве, да еще рожи при этом корчила – не могла устоять перед соблазном.

Миссис Уиггс тщательно следила, когда над Темзой поднималась малейшая дымка. Словно боялась, что из реки восстанет загробный мир.

– Туман хоть глаз выколи! Я на дюжину шагов перед собой не вижу. Неудивительно, что убийцы и воры стекаются в Лондон. Здесь просто идеальные условия для их злодеяний. Тлетворный запах липнет к занавесям, белью, коврам. У меня нос забит этим смрадом.

– Вы же говорили, что нос у вас воспален от чахотки, – заметила я.

– В отличие от вас, миссис Ланкастер, я не горожанка. И очень скучаю по чистому деревенскому воздуху и полевым цветам. Наверно, это река мстит нам за то, что мы сливаем в нее нечистоты. В один прекрасный день вся эта дрянь всколыхнется и затопит нас. Жаль, что нельзя вернуться к выгребным ямам. С ними жизнь была гораздо проще.

– Отходы лучше отправлять в канализацию. Это больше способствует здоровой обстановке.

– Я не уверена, что эти современные решения столь хоро-

ши, как нас в том убеждают, – ответила миссис Уиггс, прикрывая нос и рот надушенным носовым платком. – Каждый должен нести ответственность за свой мусор. Нельзя просто его смывать.

Помимо боязни смертоносных микробов у миссис Уиггс имелся еще один пунктик: она считала нас расточительными и посему, обходя помещения, гасила лампы, а то и вообще их не зажигала, вместо светильников предлагая довольствоваться свечами, кои она выдавала поштучно, а остальные прятала в своей комнате. Я собирала огарки и затем просила у нее еще свечей, хотя готова поклясться, что она регулярно обыскивала мою комнату на предмет запрещенных вещей. Вскоре я научилась на ощупь передвигаться по дому, а вот на первых порах вечно натыкалась на мебель, сбивая кончики пальцев на ногах, ушибая колени, напрягая зрение и чертыхаясь в темноте. Портьеры на окнах у нас всегда были задвинуты, чтобы в дом не просачивалась скверна; светильники не горели, чтобы газ не расходовался; свечи выдавались в ограниченном количестве из экономии денег. Такое впечатление, будто мы прятались, ожидая окончания некоего ужасного события, чтобы потом начать жить в полную силу.

Как-то раз я высказала миссис Уиггс свое мнение по поводу нормирования свечей и почти сразу же горько пожалела об этом. Она целых полчаса наставляла меня в науке бережливого ведения домашнего хозяйства. Можно подумать,

мне позволялось что-то здесь делать!

– Умение экономно вести хозяйство, миссис Ланкастер, это само по себе добродетель. Если женщина бережлива, независимо от того, какой у нее доход, значит, она может смело считать себя праведным человеком. Мы сжигаем шесть фунтов⁷ свечей в неделю! Мы что, их едим? Где это слыхано, чтобы сжигать за неделю шесть фунтов свечей в таком маленьком доме... как... как этот? – миссис Уиггс огляделась, словно она находилась в дешевой ночлежке, где за ночь с постояльцев брали четыре пенса. – В Аббингдейл-Холле мы тратили двадцать фунтов⁸ свечей, и не мне вам говорить – впрочем, вы же там никогда не были, – что он гораздо больше, чем этот дом, небо и земля.

Меня в больнице-то сроду так не распекали, а там я подчинялась Матроне. В этом доме хозяйкой я была только номинально. Я чувствовала себя самозванкой. В Аббингдейл-Холл я не ездила, чтобы познакомиться с родными мужа. Я не знала никого из его родственников. Что же это за муж, который даже не удосужился представить супругу своей семье? Миссис Уиггс любила периодически напоминать мне об этом. Однажды она заметила, что меня это терзает, и продолжала наступать на большую мозоль.

⁷ 6 фунтов = 2,721 кг.

⁸ 20 фунтов = около 9 кг.

8

Челси – район весьма неоднородный. Местами запущенный, местами безупречно чистый. Вдоль берега, где пришвартованы лодки, стояли в ряд несколько магазинов и большие тенистые деревья. В ветреную погоду я порой улавливала запахи смолы и масла с верфи. Наша улица представляла собой беспорядочное скопление высоких домов с плоскими фасадами за железными оградами, мощеных дорожек и тротуара, вдоль которого высились липы.

Сам дом был старый, просторный, крепкий. Наверняка он надолго меня переживет. Каждый этаж простирался в длину как минимум на сорок футов⁹ – необъятные просторы в сравнении с тем, к чему я привыкла. Мне даже как-то странно было, что я не теснюсь на чердаке, как в больнице, где по стенам струилась вода. Дом был заново покрашен и отремонтирован перед тем, как Томас въехал в него. Деревянные полы сверкали; обшивку из сосны в холле, которой было сто лет, и лестницу оклеили обоями. Не очень удачное решение, на мой взгляд. Впрочем, что я понимаю в стиле? В глубине дома находилась узкая лестница, по которой спускались в буфетную и на кухню, где стояла новая плита и еще одна дверь вела в сад. В подвале тоже имелась дверца, через кото-

⁹ 40 футов = 12 м 192 см.

рую в сад выбрасывали горячую золу. На верхнем этаже располагались три спальни и – мой любимый предмет роскоши – ванная со смывным ватерклозетом! Эта комната больше остальных волновала мое воображение. Слуги пользовались уличным туалетом – все, кроме миссис Уиггс, конечно. Это ужасное правило, которое она сама же придумала, на нее почему-то не распространялось.

Под самой крышей находился чердак, где Томас обустроил свой кабинет. Он часами уединялся там по вечерам, когда бывал дома. Мне это было непонятно: в доме имелось много других просторных пустующих комнат с окнами и естественным освещением, которые он мог бы использовать в качестве кабинета. Когда я поднимала этот вопрос, он неизменно жаловался, что ему мешает шум с улицы или что от гвалта соседских птиц у него начинает болеть голова. Работать он может только в полнейшей тишине, объяснил мой муж. Прислуге было запрещено подниматься на чердак, равно как и мне. Ключ от своего «кабинета» Томас всегда носил с собой.

Хотя я пыталась туда проникнуть. Спустя некоторое время после неловкого инцидента, когда он впервые всплил и хлопнул дверью, я подумала, что надо бы его подбодрить. Глубокой ночью я на цыпочках поднялась к мужу на чердак в неуклюжей попытке соблазнить его. Роль обольстительницы я практиковала перед зеркалом: халат расстегнут, распущенные волосы падают на плечи, ночная сорочка напоказ. Два месяца назад Томас провозгласил, что мы созданы друг

для друга, но, постучавшись к нему, я услышала, как в замке поворачивается ключ. Люди, созданные друг для друга, от своей второй половинки не запираются.

– В чем дело, Сюзанна? Тебе нездоровится? – С тех пор, как мы поженились, Томас часто задавал этот вопрос. Не заболела ли я? Как будто женщина, ищущая внимания мужа, должна страдать неизлечимым недугом.

– Ты идешь спать? – спросила я, а сама кокетливо таращила глаза, подражая сестре Мулленс, хотя, вероятнее всего, я была похожа на рыбу.

У Томаса, напротив, глаза были стеклянные, лицо влажное. Должно быть, поняв, что я это заметила, он рукавом отер верхнюю губу. Подобная неряшливость моему мужу была совсем не свойственна. Передо мной стоял совершенно не тот человек, которого я знала. Он смотрел на меня пустым, отсутствующим, безжизненным взглядом, и я, в своем расстегнутом халате, вдруг почувствовала себя идиоткой. Я поспешила запахнуться. Щеки щипать не было нужды, они и без того уже покраснелись. Неумелой я оказалась соблазнительницей, Томас на меня не прельстился.

– Я просто подумала, что, может, тебе нужна компания, – произнесла я. – Или, если ты работаешь, я могла бы помочь? Иногда полезно поделиться с кем-то своими мыслями.

– А-а, так ты у нас теперь доктор, что ли? – рассмеялся мой муж. – Шла бы лучше спать. – Он по-братски чмокнул меня в щеку.

За его спиной я не разглядела ничего, кроме покрытого пылью хлама, что, собственно, и ожидаешь увидеть на старом чердаке. От Томаса разлило спиртным, но мой нос также уловил слабый горьковато-цветочный запах. Мой муж курил опиум. Несколько капель настойки опия – это одно, опиий в чистом виде – совершенно другое. Когда-то, гуляя с бабушкой, я видела пожирателей опия. Он специально мне их показал, хотел, чтобы я своими глазами увидела, во что превращает людей эта пагубная привычка. Костлявые мужчины и женщины с осунувшимися лицами, витающие в своем собственном туманном мире, они готовы были ускорить свою смерть и даже продать родных детей ради того, чтобы несколько часов поблаженствовать в непроницаемом облаке небытия. Пока я пыталась осознать, что мой муж тоже подвержен этой зависимости, Томас закрыл перед моим носом дверь.

Он планировал декорировать чердак, повесить там светильники, провести туда воду, оборудовать нечто вроде лаборатории. Ничего из этого сделано не было. Томас просто прятался на чердаке – отчасти, как я опасалась, из желания забыть, что он женат. Я не жаловалась, ибо в доме было полно пустующих комнат, которые я могла использовать для своих целей. Я особо не задумывалась о том, зачем ему нужно помещение исключительно для личного пользования. Я приняла на веру бытующее мнение, что мужчине, когда он возвращается с работы, необходимо расслабиться, не обре-

меня себя требованиями и болтовней женщин из числа его домочадцев, побыть в тишине и покое, пока он не будет готов к общению. Однако Томас никогда не бывал готов к общению со мной. Если уж запирался на чердаке, ждать его было бесполезно. Либо он вовсе уходил из дома.

Миссис Уиггс, в отличие от меня, имела свободный доступ в его святая святых. У нее был свой ключ от чердака, куда она наведывалась, когда ей заблагорассудится, – либо для выполнения его поручений, либо по своим собственным делам. Бывало, Томас запирался в той комнате, а потом распахивал дверь и зычным криком призывал миссис Уиггс. Та спешила на его зов, и я, если на цыпочках подкрадывалась к ним поближе, слышала игривый дуэт их приглушенных голосов. Они то возносились, то затихали и зачастую сливались в громком смехе. Мне было очевидно, что экономка и мой муж получают удовольствие от взаимного общения. Однако если я пыталась вытянуть из Томаса хотя бы одну фразу, слово за слово, он отвечал мне неохотно и с недовольством. И в перипетиях наших голосов не звучало музыки, и уж тем более они не составляли слаженного дуэта. Именно их смех раздражал меня больше всего. Над чем, черт возьми, они так весело хохочут? Что их так забавляет? Я начала подозревать, что они смеются надо мной.

Я догадывалась, что заметно утратила привлекательность в глазах Томаса, как только он меня заполучил. Я была желанна, пока оставалась для него недосягаемой. Теперь, когда

меня больше не надо было добиваться, я превратилась в очередную надоевшую игрушку. И хотя мною владела безысходность, казалось, что меня несет течением в открытое море, я не теряла надежды на то, что мне все еще удастся развернуться и доплыть до берега. Я всего лишь хотела расположить их обоих к себе.

Однажды, поддавшись порыву, на улице я купила у цветочницы яркий букет желтых и красных тюльпанов. Одно время миссис Уиггс ежедневно украшала комнаты свежими цветами, но ее кампания продлилась недолго, ибо цветами завлечь Томаса домой не удавалось, ну а то, что они радовали всех остальных домочадцев, в расчет не принималось. Тем не менее, увидев тюльпаны, я их купила и оттого почувствовала себя более смелой и счастливой. Я подрезала стебли, подсластила воду и поставила вазу с цветами на видном месте, чтобы у каждого, чей взгляд упадет на букет, невольно поднялось настроение. Тюльпаны простояли не более двух часов. Спустя некоторое время, проходя мимо, я увидела, что вместо тюльпанов в вазе стоят фиалки.

Фиалки любила Айлинг. Миссис Уиггс знать этого не могла, но, сама того не ведая, напомнила мне о ней, когда я того не хотела. Я не была к этому готова. Спросила у миссис Уиггс, зачем она поменяла цветы. А та в ответ рассмеялась.

– Боюсь, миссис Ланкастер, красные и желтые тюльпаны несут в себе неверный посыл, – презрительно-снисходительным тоном заявила она. – Такие цветы не ставят в прихожей.

Для холла они слишком броские и немного... Как бы так сказать, чтобы не обидеть вас?.. Вульгарные. Мы не французы; у нас не принято афишировать свои страсти всем, кому случится войти в наш дом. Я подумала, что вам, возможно, неведомы нюансы языка цветов, вот и заменила их на фиалки. Фиалки символизируют благоразумие, преданность и благочестие. Это более надлежащий посыл.

Меня будто дубинкой треснули по лицу, когда я увидела в холле фиалки – фиалки Айлинг. Как же я расстроилась! Я ведь пыталась ее забыть, а образ подруги нет-нет да всплывал в сознании, напоминая мне, что я одинока. В этом я тоже была безнадежна. Стать хорошей женой мне не удавалось. Я остро нуждалась в Айлинг. Хотела, чтобы она пришла, велела мне не распускать нюни и поставить на место миссис Уиггс, а Томаса назвала идиотом. Я убежала в свою комнату и зарылась лицом в подушку, чтобы своими слезами не доставлять удовольствия миссис Уиггс. На людях я ни за что не стала бы плакать. Ни за что, если это в моих силах. Лучше умереть.

* * *

Жить с миссис Уиггс под одной крышей все равно что постоянно подвергаться нападению: она кромсает тебя крошечными невидимыми кинжальчиками, при этом ты не знаешь, что вся изрезана, пока не лишишься сил от большой

потери крови. Конечно, это жутко изматывало. Любое поручение Томаса она бросалась исполнять с радостью, но если я, набравшись смелости, обращалась к ней с какой-то просьбой, она реагировала так, будто я попросила ее повернуть реку вспять. Где-нибудь в доме, наткнувшись на меня, она на мгновение замирала, словно была поражена тем, что я все еще здесь, разочарована, что меня не выбросили вместе с золой.

Я пыталась узнать о ней больше, но она, подобно мне, не горела желанием рассказывать о себе. Мне лишь удалось выяснить, что служить у Ланкастеров она начинала в качестве няни Томаса и его сестренки-близняшки Хелен. Когда Томаса отправили в школу, она стала гувернанткой Хелен, потом – камеристкой и в конце концов заняла место экономки Аббингдейл-Холла. Теперь, когда там хозяйничала Хелен, которая вполне могла управляться с помощью менее опытной экономки, миссис Уиггс уполномочили заботиться о Томасе в дебрях Лондона.

Наверно, служа в Аббингдейл-Холле, к своим хозяевам она относилась с большим почтением, хотя это лишь мои догадки. Однажды миссис Уиггс заявила, что у меня недостаточно щеток для волос.

– Что вы будете делать, если вас навестит приятельница, которой потребуется очистить волосы от городской пыли? – осведомилась она, округлив глаза, словно это был вопрос жизни и смерти.

– У меня нет ни подруг, ни приятельниц, так что такой проблемы возникнуть не должно, – ответила я. И это была не отговорка: подруг у меня действительно не было, ни одной. Теперь уже не было.

Затем миссис Уиггс стала выражать озабоченность по поводу того, что я пользуюсь ватерклозетом. К нему она относилась с опаской. Это было новое бытовое удобство, да к тому же сложное техническое устройство, и она переживала, что оно может сломаться. Думаю, ватерклозет экономка воспринимала как атрибут черной магии. Громкий шум, что издавал унитаз при сливе воды, повергал ее в ступор; она каменела. Миссис Уиггс говорила, что слышала много историй о том, как горничные в других домах сгорали заживо, зажигая свечу и тем самым воспламеняя газы, что просачивались в ванную из труб.

– Неприлично и безнравственно возвещать о том, что ты справила нужду, – заявляла она. А после потребовала, чтобы я пользовалась ватерклозетом только в определенные часы утром и в течение одного часа днем.

Я мирилась с придирками, с тем, что со мной не считаются, внушают мне, что я дура и отщепенка, но я никому не позволю контролировать естественные потребности своего организма. Бог свидетель, даже я не могла бы с уверенностью сказать, когда мне захочется облегчиться.

– Нет уж, миссис Уиггс, ватерклозетом я буду пользоваться по своему усмотрению или по зову природы, и ни совета,

ни разрешения ни у кого спрашивать не стану.

Сердце в груди трепыхалось, как воробышек, но я, не дожидаясь ответа, пошла прочь.

Не знаю, как уж это у миссис Уиггс получалось, но она видела меня насквозь, разглядела во мне деревенщину, как я ни убеждала себя, что с той оборванкой распрощалась навсегда. Однако мне так и не удалось глубоко схоронить в себе девочку, что прятала хлеб под матрасом, бегала босая по земле и голыми руками выкапывала червей. Миссис Уиггс унюхала ее и всячески старалась выставить на свет.

Относительно ватерклозета мы вроде бы объявили перемирие. Однако прямо на той же неделе, как-то зайдя в ванную, которая предназначалась для нашего личного пользования, я увидела экономку. Она стояла, склонившись над ванной, над которой клубился пар, и стирала сорочки Томаса.

– Миссис Уиггс, вы что делаете?

– По-моему, это очевидно. Полагаю, вы хотели бы воспользоваться ватерклозетом? Мне известно ваше мнение на сей счет, но в этот раз я попросила бы вас прибегнуть к уборной во дворе.

Лицо ее лоснилось от пара, рукава были засучены до локтей, и даже волосы намокли. Жесткие завитки, выбившись из тугого узла, беспорядочными кудряшками топорщились у висков. Такой растрепанной я ее еще никогда не видела.

– Миссис Ланкастер, вас что-то смущает? – не унималась она.

В обжигающе горячей розовой воде плавали белые сорочки, рядом с ванной стояла бутылка керосина.

– Почему вы не отдали белье в прачечную или хотя бы не поручили стирку Саре? – поинтересовалась я. – Неужели бедняжке Саре пришлось тащить все это наверх? Почему нельзя было постирать белье в судомойне? И что это за запах?

Миссис Уиггс выпрямилась, обеими руками схватилась за поясницу, затем вытерла лоб.

– Это сорочки доктора Ланкастера. Он попросил, чтобы я быстро отстирала на них пятна. У меня не было времени отдавать их в прачечную.

– Все равно не понимаю. Почему Сара не постирала их внизу? И зачем вам керосин? Это кровь?

– Керосин хорошо выводит пятна.

Она выпроводила меня из ванной, и больше я к ней с вопросами не лезла. Жить под одной крышей с миссис Уиггс было в тысячу раз хуже, чем в больнице. Лучше уж пользоваться одной ванной с тридцатью другими медсестрами, чем с экономкой.

* * *

Я ретировалась вниз и, чтобы заглушить досаду, снова принялась просматривать газеты и коллекцию газетных вырезок, потакая своему нездоровому интересу к уайтчепел-

скому убийству.

Шумиха вокруг зарезанной женщины не прекращалась, хотя сама она умерла тихо. В газетах появлялись все новые и новые статьи, посвященные раскрытию тайны ее личности. Нашлось несколько семей, которые утверждали, что погибшая является их родственницей, но лишь через неделю после убийства она была официально опознана. Звали ее Марта Табрэм. Ей было тридцать пять лет, и жила она с одним лоточником на Коммершл-роуд.

Следствие продвигалось медленно, давая пищу для спекуляций относительно личности маньяка, который совершил это варварское убийство. Врачи считали, что при расправе над несчастной Мартой использовались три орудия убийства: перочинный нож, нож с длинным лезвием и штык. Имела хождение версия, что виновниками является компания пьяных моряков, хотя вообще-то старые ржавые штыки можно было приобрести в нескольких лавках на Уайтчепел-роуд.

А что же другие пропавшие без вести женщины, чьи близкие пытались доказать, что Марта Табрэм им родня? Их тела были найдены?

– Этого я не могу утверждать, – сказал следователь. – Уайтчепел не такой, как другие районы Лондона.

Эта азбучная истина, мне самой ой как хорошо известная, широко обсуждалась на страницах более солидных газет, из которых Томас предпочитал черпать свои убеждения. Я и без «Таймс» знала, что паршивые доходные дома Уайт-

чепела переполнены, что его население в разы превышает количество людей, обитающих в других, более приличных районах, например в Челси, где мне удалось застолбить себе местечко: сто девяносто человек против сорока пяти на один квадратный акр. Не удивила меня и информация о том, что, по оценкам полиции, в Уайтчепеле промышляют тысяча двести проституток. Этим женщинам ведь нужно что-то есть и платить за жилье, а чем еще им торговать?

Я зачарованно следила за тем, как по страницам газет шествует дом моего раннего детства, и смеялась над своей странной реакцией. Временами я недоумевала, почему у меня это вызывает столь жадный интерес, словно по-настоящему я не верила, что мне удалось спастись оттуда, и готовилась к тому, что неизбежно снова окажусь там и мне придется изо всех сил пытаться свести концы с концами, чтобы выжить.

Так или иначе, но тщательный просмотр газет в поисках новых сведений и версий в отношении убийства стал для меня важнейшим событием дня. И вот утреннее сообщение в «Эхе»¹⁰ не разочаровало. Читая его, я чувствовала, как у меня кровь стынет в жилах.

ЗАГАДКА УАЙТЧЕПЕЛА: УБИЙЦА НЕ ОСТАВИЛ СЛЕДОВ

¹⁰ «Echo» – первая вечерняя газета в Лондоне, стоимостью полпенса. Выходила ежедневно, кроме воскресенья. Была основана в 1868 г. Просуществовала до 1905 г.

Отмечается, что зверское убийство Марты Табрэм по характеру схоже с убийством еще одной женщины, подвергшейся варварскому надругательству в апреле.

Эта женщина, вдова 45 лет, тоже принадлежала к низшему классу. На нее было совершено жестокое нападение на Уайтчепел-роуд в праздничный вечер. Пострадавшую доставили в Лондонскую больницу (Уайтчепел), где она позже скончалась от полученных травм.

По словам коронера, женщина стала жертвой бесчеловечного насилия. С такой безжалостной жестокостью он столкнулся впервые. Присяжные вынесли вердикт о том, что неустановленным лицом было совершено умышленное убийство.

Полиция теперь придерживается версии, что убийца или убийцы Марты Табрэм – те же люди, которые напали на жертву в апреле.

Эту заметку, напечатанную внизу страницы, я чуть не пропустила. Та другая женщина была жестоко изнасилована и убита. Убийца запихнул в свою жертву палку, фактически разорвав ее пополам, и она умерла от полученных повреждений. В газетах не сообщались ни имя женщины, ни эти подробности, но мне они были известны. Несчастную звали Эмма Смит. Я дежурила в больнице, когда ее доставили.

9

Покидая Рединг, чтобы начать новую жизнь в качестве сестры милосердия в Лондонской больнице, я сознавала, что это парадоксальное решение. Я возвращалась туда, откуда меня вызволили двадцать лет назад. По меньшей мере странный выбор. Неизбежный поворот судьбы или непреднамеренная попытка помочь страждущим с высоты своего более привилегированного положения? Право, не знаю.

Снова увидев Уайтчепел, уже будучи двадцатисемилетней наивной девицей, я поверить не могла, что в столь мерзком районе находится престижная больница, где работают квалифицированные медсестры и талантливые хирурги. По улицам бродили щербатые мужчины и женщины с подбитыми глазами, тащившиеся за очередной порцией джина или в ночлежку. Вокруг унылая, бесцветная действительность. И посреди этой серой мглы, словно спущенное с небес на лебедке, сияло белое здание Лондонской больницы – яркий маяк на пустоши.

Я прибыла в больницу за день до назначенного собеседования, и меня отослали в меблированные комнаты, велел идти прямо туда, никуда не сворачивая.

– Здесь нечего смотреть, – предупредили меня. – Снимите комнату, поешьте что-нибудь и сидите на месте. А завтра возвращайтесь сюда.

Всю ночь я прислушивалась к доносившимся с улицы причудливым завываниям, похожим на крики зверей, и смотрела в просевший потолок над головой, уверенная, что он обрушится, стоит мне закрыть глаза. Утром хозяйка голо-сом, прокуренным, как у моряка, заявила мне, что овсянки на завтрак не будет, потому что в каше утонула мышь.

На следующий день, увидев в больнице медсестер, кото-рые, словно накрахмаленные айсберги, плавной поступью скользили по коридорам, я засомневалась, что когда-нибудь стану одной из них: такое трудно было представить. У кабинета Матроны на стене висел ее портрет, будто это была сама королева Виктория. Заполучить место сестры милосердия было непросто. Кандидаткам предстояло подать заявления, пройти собеседования; тщательно изучались их биографии. Ибо подопечные Матроны представляли собой новое поко-ление женщин. Она стремилась поставить сестринское дело на профессиональную основу, поэтому принимала на работу образованных женщин для прохождения интенсивного кур-са профессиональной подготовки, как в армии. Им предсто-яло работать рядом с врачами, а значит, они должны были демонстрировать надлежащее поведение, быть дисциплини-рованными, неукоснительно исполнять указания. Заслужить такую возможность было нелегко; поддержки врачей и ад-министраторов приходилось добиваться годами. Неподходя-щая кандидатка могла бы опорочить весь этот смелый экспе-римент, у которого и без того было много противников, чув-

ствовавших угрозу со стороны армии *женщин-профессионалов* – бессмысленное сочетание, на их взгляд; все они очень надеялись на провал эксперимента. Невзирая на эти препятствия, я была принята в стажеры.

Лондонская больница предлагала лечение и уход представителям рабочего класса Ист-Энда. Финансировалась она за счет пожертвований, которых никогда не было достаточно. Хирургам больница жалованье не выплачивала: они трудились здесь ради приобретения опыта и репутации, а деньги зарабатывали частной практикой. Поскольку неподалеку находились доки, а вокруг – скотобойни, колокольная мастерская и фабрики, где работники часто получали травмы и переломы, к нам доставляли всех пострадавших от несчастных случаев. Большинство пациентов были физически истощены, потому что их заработка хватало только на джин, которым, заплатив четыре пенса, они могли упиться до потери пульса, но никак не на еду. Уайтчепел – район мюзик-холлов, бродячих чернорабочих, трубочистов и матросов. Голод, опий и алкоголь порождали отчаяние и психоз. Периодически эта взрывоопасная смесь неизбежно вспыхивала, и хирурги получали возможность попрактиковаться. Затем они все и шли работать в Лондонскую больницу, в том числе Томас. словно стервятники, они терзали покалеченные тела в погоне за славой.

Очень скоро я поняла, что лучше не думать о масштабах людского отчаяния и сущей бессмысленности лечения.

Нищих отсылали в работные дома, состоятельных отрывали от родных и отправляли с глаз долой, но они все всё равно являлись сюда и пытались исцелиться. Приходили зараженные сифилисом женщины с отшелушивающимися носами и раздутыми животами, пораженными той же болезнью. В больших количествах приносили уже мертвых младенцев, которых полоумные мамыши отравили опиумом или джином. Эти женщины плакали и молили о помощи, причитали, что ненавидят своих детей, так как не в состоянии прокормить и одеть их, но, если я осмеливалась дать совет, чтобы они постарались не беременеть, на меня сию же минуту обрушивался шквал ругательств и оскорблений. Бесперывное деторождение было неминуемым проклятьем этих женщин, и они мирились со своей участью. Когда вся твоя жизнь подчинена лишь тому, чтобы не умереть от голода и холода, обычно не остается ни сил, ни желания как-то выбиться в люди. Я научилась держать язык за зубами, ибо кому охота выслушивать нотации о воздержанности от какой-то резонерствующей медсестры. Но если я все же пыталась звать к их благоразумию, моя назойливость, я уверена, ничего, кроме отторжения, не вызывала.

Старые докеры с бегающими глазками приносили безусых пареньков. Эти хитрые лисы ставили юнцов на самые опасные работы. Никогда не забуду двух братьев-поляков четырнадцати и девяти-десяти лет. Старший на руках принес в больницу младшего. Им поручили крепить заклепки, и стар-

ший нечаянно уронил на лицо младшего кусочек раскаленного металла; тому суждено было остаться без глаза. На следующий день старший брат снова пришел в больницу: он попытался выжечь себе глаз раскаленным железом. Когда я спросила, зачем он это сделал, мальчишка ответил: так велела мать, чтобы оправдаться перед Господом.

* * *

Эмму Смит доставили в приемный покой в апреле 1888 года. Я к тому времени уже три года наблюдала безнадежное существование жителей Уайтчепела в Лондонской больнице. По горло была сыта этим зрелищем. Айлинг ушла; у меня пропал аппетит, я все больше молчала. Была ужасно несчастна. Матрона дала мне суровую отповедь: для сестер милосердия, работающих под ее началом, стойкость – наиважнейшее качество; профессионализм необходимо сохранять любой ценой. Мы – не отдельные личности, а единое сообщество, трудимся на благо общей цели. На личную жизнь у нас нет времени. Ее медсестры – первопроходцы, а не обычные женщины, они не должны давать волю чувствам. Опасаясь потерять работу, особенно теперь, когда я осталась одна, я заверила Матрону, что могу трудиться с полнейшей самоотдачей.

Ко мне в комнату подселили сестру Парк. Она довольно приятная девушка, но все же не Айлинг, за что я ее не жа-

ловала. В комнате, прежде принадлежавшей нам двоим, теперь хозяйничал совершенно чуждый мне человек. Сестра Парк пела, навязывала мне свою веселость – сушая пытка. Меня так и подмывало завернуть ее в ковер и выбросить в слуховое окно. Она вечно трещала, болтая всякий вздор, а я сидела, молчала и смотрела в потолок. В комнате я до сих пор находила волосы Айлинг, которые наматывала на рукоятку ее расчески, пока они не начинали сиять, словно медный обруч. Сестра Парк однажды заметила это и наградила меня странным взглядом. Но в моем понимании это было абсолютно логично: я ведь любила Айлинг. Если б могла, сберегла бы каждую частичку, что от нее осталась.

Ко всему прочему сестра Парк храпела. Я лежала, слушала ее шумный сап, похожий на свинячье хрюканье, и со страхом думала о том, какие еще ужасы уготовил новый день. Когда наступало утро, мне хотелось одного – спать. Я не знала, как смогу пережить очередной день, не говоря уже о том, чтобы дотянуть до окончания контракта в Лондонской больнице, где мне предстояло работать еще многие годы.

А потом доставили Эмму Смит.

Ее принесли в больницу две неопрятные женщины, от которых разило перегаром и традиционными запахами немых тел, грязного белья и опрелости. Дознаватель подумал, что они пьяны, и хотел их прогнать, но, увидев тропинку крови, что тянулась за Эммой, отступил в сторону.

Женщины в двух словах, без особых подробностей, сооб-

щили о том, что случилось с их товаркой. Та, что постарше, с обрюзгшим лицом пропойцы, заведовала ночлежкой, где жила Эмма; та, что помоложе, блондинка, с Эммой была знакома всего несколько недель, но делила с ней постель – для удобства. По их мнению, Эмме было за сорок, хотя возраст подобных ей женщин определить трудно. Кожа задубелая, нижняя часть лица по причине отсутствия зубов ввалилась и сузилась, жидкие рыжеватые волосы секлись и ломались. Она была до того тощей, что, когда мы перекладывали ее на койку, она аж взлетела в воздух, будто мы подняли мешок с овсяной сечкой.

Она была избита: опухшее лицо все в синяках, ухо кровоточило. Обе женщины, что принесли ее, забились в угол, будто перепуганные мыши.

– На нее набросились на углу Осборн-стрит и Бриклейн, – сообщила блондинка. – Она сказала, их было трое, может, четверо. Они украли у нее сумку, надругались на ней, а потом запихнули в нее черенок метлы, как она полагает.

– Черенок метлы?

Едва смысл этих слов дошел до меня, щеки мои покрыл густой румянец. Я отвернулась, пряча лицо, и заметила, что конопатая сестра Мулленс ухмыляется, насмехаясь над моим невежеством: видимо, в смотровой я была единственной девственницей. Я велела Мулленс – она была ниже меня по положению – увести женщин из приемного отделения. Самодовольство мгновенно слетело с ее лица. Ей не нравилось

получать указания от меня, но выбора у нее было.

Оставшись наедине с истекающей кровью женщиной, я попыталась снять с нее кишашую вшами, прогнившую одежду. Отвернув на ней юбки, я увидела, что ее бедра и промежность перехвачены шалью, которая набухла от крови. Вернулась Мулленс, встала возле меня с чистыми перевязочными материалами, и я принялась кончиками пальцев разворачивать шаль. Мы редко работали вместе и потому постоянно сталкивались, пытаясь делать одно и то же. Вот с Айлинг мы действовали слаженно, предугадывая шаги друг друга; подобно лебедушкам, двигались каждая по своей траектории. Мы с ней идеально дополняли друг друга.

Мулленс была милостива, как разрисованная фарфоровая кукла: яркая, жизнерадостная, очаровательная, с мелкими, но выразительными чертами лица, привлекающими внимание мужчин. А у Айлинг лицо было цветущее, открытое, куда более пленительное, чем у Мулленс, на мой взгляд, и розовые губы, постоянно изогнутые в улыбке. В сравнении с ней Мулленс, со всеми ее выпуклостями и изгибами, с подпрыгивающими огненными кудряшками, была как кислый пирог в сахарной глазури. Я никогда не знала, что значит быть красивой; черты лица у меня вполне правильные, но незапоминающиеся. Мулленс, будучи красоткой, умом не блистала. Она легко теряла внимание и всегда находила время пофлиртовать с любым мужчиной, который хотя бы смотрел в сторону скальпеля. Я почему-то думала, что ей угото-

вана более счастливая жизнь, но здесь, как оказалось, я глубоко заблуждалась.

Когда мы почти сняли с несчастной шаль, коей была обернута нижняя часть ее туловища, кровь хлынула сильнее. Лотки по обе стороны койки быстро заполнились, кровь из них заструилась на пол.

Эмма Смит села, охнула и в последнем всплеске сознания схватила меня за руку, оставляя кровавые отпечатки на рукаве моего форменного платья.

– Не надо, пожалуйста. Если ее вытащить, я развалюсь надвое, – произнесла она, тараща на меня глаза. Потом ее пальцы разжались, зрачки закатились, и она рухнула на койку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.